

«Дик развлекает нас игрой с реальностью и безумием...
Никто не заметил, что у нас есть собственный местный
Борхес».

Урсула Ле Гуин

ФИЛИП К. ДИК

ИСПОВЕДЬ
НЕДОУМКА

**PHILIP
K. DICK**

Филип К. Дик. Электрические сны

Филип Дик

Исповедь недоумка

«ЭКСМО»

1975

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф. К.

Исповедь недоумка / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1975 — (Филип К. Дик. Электрические сны)

ISBN 978-5-04-105810-4

История четырех людей, каждый из которых живет в своей фантастической вселенной и воспринимает мир по-разному. Тем не менее их жизни намертво сплетены обычным предначертанием судьбы, случайностями и собственными поступками. Каждый их шаг ведет все дальше в пучину бытия.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105810-4

© Дик Ф. К., 1975
© Эксмо, 1975

Содержание

Предисловие	6
Исповедь недоумка	11
(раз)	12
(два)	16
(три)	23
(четыре)	29
(пять)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Филип К. Дик

Исповедь недоумка

Philip K. Dick

CONFESSIONS OF A CRAP ARTIST

Copyright © 1975 Philip K. Dick.

Copyright © 1975, Laura Leslie, Christopher Dick and Isolde Hackett.

All rights reserved.

Фотография автора © Isa Dick Hackett

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© CS Stock / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© С. Трофимов, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие

«Исповедь недоумка» была написана в 1959 году. Этот шедевр стал одним из самых необычайных романов, когда-либо прочитанных мной. Чтобы издать его, Филипу Дику потребовалось шестнадцать лет, и, на мой взгляд, тому имелись две причины. Первая из них – яркость авторской палитры. Такие книги заставляют издателей, возможно, подсознательно, вздрагивать от отвращения и хвататься за любой предлог («Мне не понравился столь частый переход от одного героя к другому»), чтобы отвергнуть их и навсегда о них забыть. Слишком уж реальными получились персонажи.

Второй причиной является то, что это роман мейнстрима, написанный автором, который уже известен как писатель, довольно успешно работающий в жанре научной фантастики. Верблюду легче пролезть в игольное ушко, чем фантасту получить признание в нефантастических жанрах.

Филип К. Дик родился в 1928 году. Профессиональную писательскую деятельность начал в 1950 году. Хотя он постоянно предлагал издателям рассказы и романы разных жанров, в 1950-е годы его печатали лишь как писателя-фантаста. Первый рассказ Филипа Дика появился в *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* в 1952 году. Первый роман «Солнечная лотерея» был опубликован издательством *Ace Books* в 1955 году. С тех пор в Соединенных Штатах вышла еще тридцать одна книга Филипа Дика, и все они были написаны в жанре научной фантастики.

Несмотря на популярность Дика в Северной Америке и особенно в Европе (где вышло более ста изданий его книг), «Исповедь недоумка» стала первым опубликованным нефантастическим романом писателя. Фактически, как он сам говорил, это один из «экспериментальных романов мейнстрима» (всего их было одиннадцать), написанных им за первые десять лет его профессиональной карьеры.

«Исповедь» экспериментальна только потому, что она создана без соблюдения условностей жанра. Значение Дика как писателя заключается в его ярком и необычном восприятии повседневного мира и поведения людей, особенно межличностных отношений. Такое восприятие не просто определяет, но изначально задает суть и форму его романов.

В данном случае история излагается от первого лица тремя разными персонажами; причем имеются части, в которых повествование ведется от третьего лица. Это необычно, но вполне уместно. Те немногие романы, в которых писатель пытался втиснуть свое восприятие мира в традиционные рамки романа, получились менее удачными. Книги Дика уникальны по структуре, и это сделано по необходимости, а не из любви к экспериментам, которую демонстрируют писатели, примкнувшие к некоторым «авангардным» движениям.

В письме к Элеанор Димофф, редактору издательства *Harcourt, Brace and Company*, Дик привел несколько интересных комментариев по поводу своего отношения к работе писателя. Письмо датировано 1 февраля 1960 года. В то время он активно продвигал свои мейнстримные романы.

Не знаю, насколько глубоко мне удастся описать это состояние. Интуитивный (или даже гештальтный) подход, которым я оперирую, вынуждает меня «видеть» всю вещь целиком одновременно и сразу... В такой же манере творил Моцарт. Проблемой для него было перенести на бумагу то, что он слышит. Если бы он прожил дольше, то научился бы подобной процедуре, но нет значит нет. Иными словами, я считаю своей задачей (вопреки суждениям других людей) последовательно перенести на бумагу то, что «вижу мысленно», то есть применяемый мной метод предполагает доведение моих описаний до полной завершенности... Если бы я мог излагать

свои мысли в простых и кратких набросках, то был бы поэтом, а не романистом. К сожалению, мне требуется около 60 000 слов, чтобы изложить оригинальную идею с абсолютной полнотой.

У Филипа К. Дика есть три особенных умения, которые позволяют ему не только описывать свои «видения», но и делать их живыми и реальными. Речь идет о его даре верить и сопереживать своим героям, а также о его чувстве ужасного и чувстве юмора.

«Исповедь недоумка» – это история четырех людей, каждый из которых живет в своей вселенной и воспринимает мир по-разному. Тем не менее их жизни намертво переплетены обычным сочетанием предначертаний судьбы, случайностей и собственных конкретных действий (с упором на последние). Наиболее пронзительны сцены, где каждый персонаж, попадая в свою собственную коллизию, намеренно действует так, чтобы еще глубже погрузиться в трясину бытия. Джек Исидор, тот самый «недоумок» из названия книги, представлен нам бесхитростной и заблудшей душой, очарованной потоками информации. Он не может отличить реальность от вымысла, и его причудливое мировоззрение вызывает у нас незабываемые переживания. Джек не идиот в традиции знаменитых «идиотов» Фолкнера и Достоевского; его психические отклонения настолько близки к нашему здравому смыслу, что это просто пугает.

Фэй, сестра Джека, интеллигентная, привлекательная и неописуемо эгоистичная женщина, выходит замуж за Чарли Хьюма, заурядного парня, владельца небольшого завода в Марин-Каунти и любителя выпить. Они живут в Пойнт-Рейс (поселок в нескольких часах езды к северу от Сан-Франциско), в нелепом, нефункциональном новомодном доме, с двумя дочерьми и домашним скотом, и оплачивают огромные счета за электричество. Предназначение Чарли, по мнению Фэй, заключается в том, чтобы построить дом ее мечты. Когда это сделано, муж перестает ее интересовать, и она переключается на молодого женатого мужчину по имени Натан Энтайл. Натан изучает историю и юриспруденцию, он умен и без труда распознаёт сущность Фэй. Но его все равно тянет к ней. Почему? Он не знает этого. Возможно, даже сам автор не знает. Однако Дик считал, что это правда, что именно так все и происходит.

И вот перед нами разворачивается действие разрушительное, интригующее и абсолютно достоверное. Читатель тоже не может не увидеть правду, какой бы безумной она ни казалась. Чарли избивает жену за то, что она заставляет его покупать ей «тампакс». Это очевидная нелепость, но кто из нас не разглядит здравомыслия под его безумием? Кто не станет отождествлять себя с Фэй в момент ее внутренних размышлений? Они, конечно, забавны, но слишком точны психологически и пробуждают в нас болезненные чувства:

«Я повесила трубку и вдруг почувствовала себя истеричной дурой. Кто же решает такие вопросы по телефону? Вскочив с кровати, я заметалась по спальне. Слухи пойдут по всему городу. Люди в Пойнт-Рейс будут говорить, что Фэй Хьюм звонила кому-то и несла пьяный бред. Вот именно! Они решат, что я была пьяна. Шериф Чисхолм засадит меня в кутузку. Может, стоит позвонить ему и рассказать все самой?»

Реалистичность героев Филипа Дика порождается тем, что для него они действительно существуют: он слышит, как они говорят; он записывает их мысли и беседы. В романах Дика диалоги выше всяких похвал, и особенно хорошо он описывает взаимоотношения. Правдивость его произведений коренится не столько в разговорах героев, сколько в их действиях по отношению друг к другу. В 1974 году Дик сказал мне: «Я никогда не был сторонником идеи одного героя. Мне кажется, что проблемы многоперсональны. Они вовлекают в себя всех, и личных проблем просто не существует... Это лишь форма невежества. Когда, проснувшись утром, я натыкаюсь на кресло, падаю, разбиваю нос, понимаю, что жизнь не удалась и жена меня бросила, невежество заставляет меня думать, что я целая вселенная и что мои личные беды не находятся во взаимодействии с остальной частью мира. Но если бы я мог посмотреть

на мир со спутника, то увидел бы множество людей, которые, встав с постели, налетают на стулья и разбивают себе что-нибудь».

Юмор в романе да и во всем, что говорит и пишет Филип Дик, вполне очевиден. («Но я стоял посреди комнаты, не делая абсолютно ничего, лишь продолжая дышать и отправлять другие естественные процессы».) Дик общается с нами из центра глубочайшего отчаяния, которое, однако, никогда не является безысходным. Здесь мы видим обратную сторону цинизма. Какими бы жалкими и абсурдными ни были действия и мысли его персонажей, Дик всегда и неизменно относится к ним с симпатией. Он любит и понимает их. Его книги укрепляют веру в человечество, несмотря на весь наш идиотизм. В результате возникает нечто комичное. К примеру, в «Исповеди недоумка» безжалостно выставлены на обозрение смешные грани чудовищной тщетности наших обыденных помыслов. Неужели женщина может довести мужчину до такого состояния, что тот начнет убивать любимых домашних животных? Можете в это поверить?

Однако юмор не прикрывает собой ужасного. В романах Дика ужас заключается в жестокости и безумии нашего мира. Нам хочется сорвать повязки с глаз, но чем отчаяннее мы пытаемся увидеть реальное положение вещей, тем больше страдаем. Герои Дика мучаются осознанием боли, подобно ребенку в «Сдвиге времени по-марсиански», который слышал шум распадавшейся Вселенной. В «Исповеди» безумие проявляется в поступках людей, истязающих друг друга. Им снова и снова не удается сделать что-нибудь хорошее для самих себя и своих близких. Мы смутно (а иногда и остро) осознаем взаимосвязанность наших жизней, но, кажется, полностью не отдаем себе отчет в происходящем, и наши усилия лишь ухудшают ситуацию. Суть романа выражена в точном наблюдении Джека Исидора: «На самом деле весь мир полон придурков. Этого достаточно, чтобы свести вас с ума».

Вот мысли самого Филипа К. Дика об «Исповеди недоумка», изложенные им в письме от 19 января 1975 года.

Когда я писал «Исповедь», у меня была идея создания слабоумного персонажа, лишённого здравого смысла, ходячей коллекции сумасбродных мнений и предрассудков... изгоя, абсолютно маргинального человека, который, наблюдая за обществом извне, должен лишь догадываться о том, что происходит.

В темные века жил испанец Исидор Севильский, написавший самую короткую из когда-либо существовавших энциклопедий: как мне помнится, всего тридцать пять страниц. Я не понимал, насколько невежественными были люди той эпохи, пока не узнал, что энциклопедия Исидора Севильского чертовски долго считалась шедевром.

И тогда, в далекие пятидесятые годы, мне пришла в голову мысль: а что, если я создам современного Исидора Севильского из Калифорнии и заставлю его написать что-нибудь о нашем времени, подобно Исидору Севильскому из Испании? Кто может стать аналогом такого человека? Наверное, одинокая шизоидная личность, похожая на моего героя. Но прежде всего и более всего мне хотелось показать, что этот невежественный отщепенец является таким же человеком, как все мы; что у него также есть сердце, и что иногда он бывает добрым и хорошим.

Недавно, перечитывая роман, я с изумлением понял, что уже не могу назвать Джека Исидора Севильского из Калифорнии слабоумным болваном. Меня поразило, что за невнятным и несвязным лепетом скрываются черты пронизательного и мудрого подсознания, которое, возможно, смутно разбирается в событиях, но, черт возьми... Закончив работу над книгой, я, к своему удивлению, должен был признать, что, скорее всего, старина Джек

Исидор в чем-то прав! Пусть он не видит мир так, как мы, но фактически и это действительно парадоксально в чем-то превосходит нас.

Иными словами, когда я писал роман в пятидесятые годы, Джек нравился мне, но сейчас моя симпатия к нему возросла еще больше, словно само время стало на его защиту. Его выстраданные суждения формируются весьма странным образом, но он не скован предрассудками, которые диктуют нам, что есть истина и что есть ложь, что исходит из ада и что ниспослано нам свыше. Джек Исидор судит без предвзятости: он берет информацию там, где может ее найти, и делает сумасбродные, но изумительно верные выводы. Подобно наблюдателю с другой планеты, он становится в некотором роде бродячим социологом. Этот парень симпатичен мне. Я одобряю его. С высоты двадцати прошедших лет я гадаю, не окажутся ли его суждения впоследствии еще более верными. Во многих отношениях он незаурядная личность.

Например, в финале книги, когда Джек понял, что был не прав и что ожидаемый конец света не наступил, он сумел пережить такую неординарную коллизию. Он приспособился к ней. Интересно, как это удалось бы сделать нам, если бы правда оказалась на его стороне? И не являются ли истиной слова Джека, когда он говорит, что мы не видим вокруг себя нормальных, разумных, воспитанных и уравновешенных людей и поэтому уничтожаем себя и других ужасными способами? Смотрите, как Джеку все время удается избегать моральных проступков? Если его здравый смысл, его оценки, что для него «можно» и что «нельзя», отвергаются обществом, почему он не совершил ни одного злого или преступного действия? Он свободен от предвзятых оценок. С обывательской точки зрения Джек обижен судьбой. Но с моральной или, если хотите, с духовной точки зрения он остается незапятнанным... И это определенно его победа, реальное признание трезвости его суждений и правильности выводов.

То есть он несет в себе какое-то огромное интуитивное знание об окружающем мире. Джек не болван. С позиции абстрактного выживания он, возможно, подготовлен к жизни лучше нас. Как римский император Клавдий, как герой «Идиота», он представляет собой «нищего духом», любимца Бога. Его можно назвать воплощением Парцифалья, простодушного дурачка средневековых легенд... Но если это так, то мы можем воспользоваться его примером.

Этот человек умеет прощать. Он способен оценивать сердца и поступки людей без навязанных предубеждений. Для меня Джек является романтическим героем. Несомненно, я имел в виду себя, когда описывал его. Сейчас, перечитав роман через многие годы, я вынужден признать, что мне нравится мое альтер эго, мой внутренний образ, Джек Исидор Севильский из Калифорнии. Он бескорыстнее меня, добрее и лучше меня.

Роман «Исповедь недоумка», по мнению Филипа К. Дика, оказался одним из лучших его нефантастических произведений (и ваш покорный слуга готов подтвердить, что данная книга вполне сопоставима с «Человеком в высоком замке», получившим премию Хьюго, и столь же прекрасным «Сдвигом времени по-марсиански»). На мой взгляд, это один из самых проникновенных и замечательных романов об Америке середины двадцатого столетия.

«Исповедь недоумка» была написана в Пойнт-Рейс, штат Калифорния. Вскоре после завершения работы над книгой Филип К. Дик женился на женщине, вдохновившей его на создание образа Фэй Хьюм, и следующие пять лет они прожили вместе.

*Пол Уильямс.
Нью-Йорк,
февраль 1975 года*

Исповедь недоумка

– Джек Исидор

(из Севильи, Калиф.)

Хроника

Проверенных

Научных

Фактов,

1945–1959.

Посвящается Тэссе – темноволосой девушке, которая поддерживала меня, когда это было жизненно необходимо (то есть все время).

Для нее, с любовью.

(раз)

Я состою из воды. Вы не замечаете этого, потому что она находится внутри меня. Мои друзья тоже состоят из воды. Все. Соответственно, возникает проблема: нам не только приходится противодействовать просачиванию в землю, но и зарабатывать себе на жизнь.

Хотя существует еще большая проблема. Мы не чувствуем себя дома где бы то ни было. Отчего это?

Из-за Второй мировой войны.

Вторая мировая война началась для Америки 7 декабря 1941 года. В ту пору мне было шестнадцать лет, и я ходил в севильскую среднюю школу. Услышав новости по радио, я тут же понял, что нужно отправляться на фронт.

Наш президент получил возможность отшлепать япошек и немцев, а для этого всем нам требовалось встать плечом к плечу. Кстати, радио я сделал сам. Я постоянно собирал супергетеродинные пятиламповые приемники, работавшие на постоянном и переменном токе. Моя комната была завалена наушниками, катушками проводов, конденсаторами и кучей других технических деталей.

Объявление по радио прервало рекламу хлеба:

«Домашний»?

Покупайте лучше «Фермерский хлеб»!

Я всегда не любил рекламу. Я вскочил, чтобы настроить приемник на другую частоту, но женский голос внезапно осекся. Естественно, я заметил это. Я и глазом не успел моргнуть, как понял, что случилось важное событие.

Я возился с марками из германских колоний, теми самыми, на которых изображалась кайзеровская яхта «Гогенцоллерн», и разложил их на столе недалеко от падающих из окна солнечных лучей. Нужно было наклеить их, пока с ними ничего не случилось. Но я стоял посреди комнаты, не делая абсолютно ничего, лишь продолжая дышать и отправлять другие естественные процессы.

Я просто поддерживал физические функции, пока мой разум концентрировался на радиопередаче.

Конечно же, мои родители и сестра ушли куда-то после обеда, поэтому мне не с кем было поделиться новостью.

Это привело меня в ярость. Услышав, что япошки планировали сбросить на нас бомбы, я метался по дому и пытался придумать, кому позвонить. В конце концов я сбежал по лестнице в гостиную и позвонил Герману Хоку, которого знал по севильской школе и с которым во втором «А» мы сидели рядом на уроках физики. Когда я рассказал ему о нависшей угрозе, он тут же прикатил ко мне на велосипеде. Мы сидели, слушали последние сообщения и обсуждали ситуацию с Японией. За это время мы выкурили парочку «Кэмел».

— Короче, немцы и итальянцы получают теперь по носу, — сказал я Хоку. — Это означает войну с Осью¹, а не с Японией. Но сначала мы должны вздуть япошек, а затем обратить внимание на Европу.

---

¹ Ось Рим – Берлин – Токио.

– Я тоже был бы рад отлупить япошек, – ответил Хок. – Мне не терпится поучаствовать. У нас на этот счет было общее мнение. Мы расхаживали по моей комнате и, покуривая, продолжали слушать радио.

– Меня тошнит от этих пухлых мелких желтопузиков, – добавил Герман. – Ты знаешь, что у них вообще нет своей культуры? Вся их цивилизация... Они стащили ее у китайцев. И они точно произошли от обезьян, поэтому в них нет ничего человеческого. Это тебе не война с настоящими людьми.

– Однозначно, – согласился я.

Вспоминая 1941 год, я должен заметить, что мы высказывали ненаучные заявления. Тут и спорить нечего. Сегодня мы знаем, что китайцы тоже не имеют никакой культуры. Они перебежали к красным, как сонмы муравьев, которыми они, похоже, и являются. Это для них естественная жизнь. В любом случае все это не важно, потому что рано или поздно нам придется разобраться с ними.

Мы отмутузим их, как отмутузили япошек. И они получат свое, когда придет время.

Вскоре после 7 декабря военные власти расклеили листовки на телеграфных столбах. В них говорилось, что японцы должны убраться из Калифорнии к такой-то и такой-то дате. В Севилье, находившейся в сорока милях южнее Сан-Франциско, проживали несколько японцев. Они вели свой бизнес: кто-то выращивал цветы в оранжерее, кто-то торговал бакалеей – обычное мелкое предпринимательство, где каждый из них сшибал жалкие пенни, довольствуясь чашкой риса в день и заставляя работать своих десятилетних детей. Ни один белый человек не мог конкурировать с ними, потому что они трудились фактически задаром. В любом случае им пришлось убраться из страны, хотели они того или нет. На мой взгляд, это было сделано для их же пользы, потому что многие из нас подозревали япошек в саботаже и шпионстве. В севильской школе компания наших поймала японского мальчика и попинала его немного ногами, выражая патриотические чувства. Помнится, его отец работал дантистом.

Единственным япошкой, которого я лично знал, был страховой агент, живший на другой стороне улицы. Как и все азиаты, он имел большой сад вокруг дома. По вечерам и по выходным он появлялся на своем огороде в штанах цвета хаки, майке и теннисных туфлях, держа в руках садовый шланг, мешочек удобрений, грабли и лопату. Этот япошка выращивал там неизвестные мне овощи: какие-то бобы, кабачки и дыни плюс обычную свеклу, морковь и тыквы. Пока он пропалывал сорную траву на грядках с тыквами, я следил за ним и приговаривал:

– А вот и наш Джек Тыквоголовый. Пришел поискать себе новую голову.

Он действительно походил на Джека Тыквоголового: тонкая шея и круглая башка. Волосы были подстрижены, точь-в-точь как у студентов колледжей! И он всегда улыбался. Его тонкие губы не могли прикрыть огромных зубов. Они все время торчали наружу.

В тот период, когда япошек выгоняли из Калифорнии, я несколько недель терзался мыслью, что этот желтокожий дядька рыщет вокруг нас и ищет себе свежую голову вместо сгнившей старой. Он выглядел неважно, наверное, потому, что был тощим, высоким и сутулым. Я предполагал, что он чем-то болел, скорее всего туберкулезом. Одно время я даже боялся (и это мучило меня неделями), что однажды он выйдет в сад или пойдет по аллее к машине, а его шея сломается, и голова, слетев с плеч, покатится перед ногами. Я в ужасе ждал, когда это случится, и тем не менее всегда выбегал посмотреть на соседа, когда слышал его кашель. Он кашлял всегда, когда бы ни выходил из дома. Постоянно кашлял и плевался. И его жена тоже плевалась, хотя была приятной маленькой женщиной. Она напоминала мне кинозвезду. Однако ее английский язык, по словам моей мамы, был настолько ужасным, что с ней не имело смысла разговаривать. В ответ она только хихикала.

Конечно, я никогда не стал бы сравнивать мистера Ватанабу с Джеком Тыквоголовым, если бы в детстве не прочел книги о стране Оз. Некоторые из них хранились в моей комнате до самой Второй мировой войны. Они стояли на одной полке вместе с научно-фантастическими

журналами, старым микроскопом, коллекцией камней и моделью Солнечной системы, которую я сделал для кабинета физики в нашей севильской школе. Когда книги о стране Оз появились на свет где-то в 1900 году, все сочли их полным вымыслом, как и романы Жюль Верна и Герберта Уэллса.

Но теперь люди начинают понимать, что хотя такие герои, как Озма, Волшебник и Дороти, были выдуманы Баумом, сама идея о никому не известной цивилизации, существующей в нашем мире, не является столь уж фантастичной.

Недавно Ричард Шейвер дал подробное описание мира внутри Земли, а другие исследователи сообщили о похожих находках. Вполне вероятно, что исчезнувшие континенты Му и Атлантида скоро будут считаться частью древней культуры, которая породила цивилизацию известных нам стран.

Сегодня, в пятидесятые годы двадцатого столетия, внимание человека обратилось вверх, к далекому небу. Людей интересует жизнь на других планетах. Однако в любой момент почва может разойтись под нашими ногами, и из центра Земли хлынут странные таинственные расы.

Об этом стоит подумать особенно в Калифорнии, с ее землетрясениями, где положение становится просто угрожающим. Каждый раз во время тряски я спрашиваю себя: появилась ли щель, которая в конце концов откроет внутренности мира? Настал ли этот час?

Иногда во время перерыва на ланч я обсуждаю этот вопрос с коллегами по работе и даже с мистером Пойти, управляющим нашей фирмой. Мой опыт свидетельствует, что если кто-то из них и осознаёт наличие пришельцев, то они в основном озабочены НЛО и расами, прилетающими к нам с небес. Лично я отношу это к невежеству и предрассудкам. К несчастью, даже в наши дни, в наш век прогресса, по-прежнему требуется много времени, чтобы научные факты приобрели широкую известность. Да и сами ученые так медленно меняют свое отношение к важным открытиям, что нам, научно просвещенным людям, приходится брать на себя роль проводников передовых достижений науки. И еще я понял, что среди нас имеется множество таких личностей, которым просто на все наплевать.

Пример тому – моя сестра. За те годы, которые она прожила вместе с мужем в северо-западной части Марин-Каунти, ее, похоже, интересовал лишь дзен-буддизм. Какая демонстрация упадка нравов! Моя ближайшая родственница, женщина из моей семьи, отвернулась от научного мировоззрения и предалась азиатской религии, которая не только угрожает уничтожить нашу способность к рациональному мышлению, но и посягает на христианскую веру.

В любом случае мистер Пойти проявил интерес, и я одолжил ему несколько книг полковника Чёрчварда, посвященных континенту Му.

Моя работа в «Вулканизации шин за один день» сама по себе интересна и требует определенных навыков в работе с инструментами, хотя и не вполне соответствует той научной подготовке, которой я обладаю. Я восстанавливаю шины. Фактически мы берем «лысую резину», то есть использованные и изношенные до дыр покрышки, от которых остались едва ли не лохмотья, и восстанавливаем их внешний вид. Мы с парнями заливаем горячую смесь на покрышки и воспроизводим старый узор так, чтобы клиенту казалось, что на шине все еще имеется резина, хотя на самом деле ее там кот наплакал. Затем мы красим восстановленную шину черной краской, чтобы она приобрела товарный вид. Конечно, если вы поставите ее на машину и проедете по горячему бетону, то: бац! и ваше колесо окажется спущенным. Но обычно вулканизированные шины держатся около месяца. Вы только не купите их по неосторожности, особенно те, которые делаю я. Мы имеем дело только с оптовой торговлей и с компаниями, специализирующимися на подержанных машинах.

За работу платят мало, однако мне нравится восстанавливать старые узоры. Иногда их почти не видно. Фактически только такой опытный и обученный техник, как я, может распознать и реставрировать их. А в нашей профессии это нужно делать идеально точно, потому что если вы не сохраните старый узор, то на шине образуется полукруглая выемка, и тогда даже

идиот поймет, что ему подсовывают неоригинальное изделие. Мои вулканизированные шины вообще не похожи на ручную работу. Они выглядят так, словно их сделали на заводе, а для нас, вулканизаторов, это самая большая радость.

(два)

В калифорнийской Севилье прекрасная публичная библиотека. Но лучшим достоинством жизни в Севилье является то, что в двадцати минутах езды от нас находится Санта-Круз, с его пляжами и парком развлечений. И на всем пути четыре полосы движения.

Хотя для меня библиотека важный фактор в формировании моих научных убеждений. По пятницам, когда у меня выходные, я прихожу туда в десять утра и читаю «Лайф» или комиксы в «Субботней вечерке». Затем, если библиотекари не следят за мной, я беру со стеллажей журналы с фотографиями и ищу в них всякие специальные позы, которые принимают девушки. Если вы присмотритесь к обложкам таких изданий, то найдете бонусы, которые мало кто замечает, приложения «только для вас».

Естественно, вы должны разбираться в описаниях. И тогда, если вы вышлете им доллар, они отправят на ваш адрес буклет, в котором фото будут лучше, чем даже в «Плейбое» или «Эсквайре». Вы получите более откровенные фотографии, хотя женщины на них гораздо старше, иногда попадаются просто старые морщинистые ведьмы. Как правило, они не бывают привлекательными, и хуже всего, их большие груди напоминают капустные кочаны. Но зато они делают такое, что вы никогда не увидите на фотографиях с девушками. Я не имею в виду какие-то «грязные» штучки, ведь журналы пересылаются через федеральную почту из Лос-Анджелеса и Глендейла.

Лично меня привлекают такие картинки, как та, на которой одна девушка, одетая в черный кружевной лифчик, чулки и туфли на шпильках, лежит на полу, а другая женщина моет ее шваброй из ведра с мыльной пеной. Эта картина стояла у меня перед глазами несколько месяцев.

И еще я помню фото, где девушка, одетая точно так же, столкнула свою почти обнаженную подругу с лестницы, и жертва (если ее можно так назвать; а я по крайней мере считаю, что можно) согнулась попкой вверх, как будто ей сломали руки и ноги, словно тряпичная кукла или тело, сбитое на дороге машиной.

Еще можно получить такие снимки, на которых сильная девушка (доминатрикс) связывает другую более слабую девушку. Это называется «бондаж». И лучше всего, если вам пришлют рисунки с бондажем. Их создают толковые художники, на некоторые стоит посмотреть. Другие (бездарное большинство) просто перепевают заезженные темы, и на самом деле их зря посылают по почте.

Они довольно грубые и неприятные.

Годами, разглядывая эти снимки, я ощущал интересное чувство – не грязное, нет! Оно никак не связано с сексуальными отношениями. Что-то подобное возникает в теле, когда поднимаешься на высокую гору и дышишь чистым воздухом, как на тропах в Биг-Байзн-Парк, где растут мамонтовые деревья и струятся горные ручьи. Мы часто охотимся в тех рощах, хотя подобные действия запрещены на территории федерального парка. Иногда нам удается подстрелить двух-трех оленей. Сразу скажу, что ружья не мои. Я пользуюсь тем, которое мне дает Харви Сент-Джеймс.

Обычно все самые прикольные дела мы совершаем втроем – я, Сент-Джеймс и Боб Пэдлфорд. У нас имеется «Форд» 57-го года, принадлежащий Сент-Джеймсу: машина с откидным верхом, двойным радиатором, двумя передними сиденьями и задним откидным. Ее знают не только в Севилье, но и в Санта-Круз. Всю эмаль мы покрасили золотистой краской, пурпурную внутреннюю отделку сделали вручную, а также с помощью формовочного стекловолокна округлили линии кузова. Теперь он больше похож на ракету. Машина получила вид, пригодный для дальнего космоса, и скорость чуть меньше световой.

Чаще всего мы ездим в Рено через Сьерру. Как правило, прогулки начинаются вечером в пятницу, когда Сент-Джеймс заканчивает работу в магазине одежды Хапсберга, где он продает мужские костюмы. Первым делом мы несемся в Сан-Хосе и забираем Пэдлфорда (он работает на шелловской заправке чуть дальше конторы светокопий), а затем отправляемся в Рено. В ночь с пятницы на субботу мы вообще не спим; приезжаем туда поздно вечером и до рассвета играем в блек-джек или бросаем монетки в щели игровых автоматов. Отоспавшись утром в машине, мы находим приличную туалетную комнату, бреемся, меняем рубашки и галстуки и отправляемся на поиски женщин. Вы всегда можете найти в Рено доступных девушек.

Это очень развратный город.

По правде говоря, я не принимаю участия в забавах с женщинами. Такие вещи не играют роли в моей жизни, как, впрочем, и многие другие виды физической активности. Взглянув на меня, вы бы сразу поняли, что моя сила в уме.

Я начал носить очки с шестого класса, потому что к тому времени прочитал огромное количество книг: комиксы «Тип-топ», «Королевские комиксы», «Популярные комиксы»... В середине тридцатых они только входили в моду. Затем их стало гораздо больше. Я коллекционировал комиксы еще тогда, когда учился читать. Мы с парнями обменивались ими, как марками. Помню, в начальной школе я увлекся псевдонаучным журналом «Изумительные истории». Позже к нему прибавились «Удивительные истории» и «Захватывающие чудеса». Фактически я собрал почти полный выпуск «Захватывающих чудес». Это был мой любимый журнал, который присылали в качестве дополнения к «Удивительным историям». Речь идет примерно о 1939 годе, но я уже тогда наткнулся на золотую жилу подписных изданий и приложений.

Все члены моей семьи, кроме матери, были худыми, поэтому, надев очки в серебристой оправе, которые в те дни носили мальчишки, я тут же начал походиться на заправского книжного червя или ученого. (Кстати, у меня высокий лоб.) Позже, в средней школе, я страдал себореей, и из-за перхоти мои волосы выглядели гораздо светлее, чем на самом деле. Одно время меня очень смущало заикание.

Я случайно обнаружил, что если быстро согнуться, как бы стряхивая пыль со штанины, то можно произносить слова нормально. Вскоре у меня появилась привычка сгибаться во время разговора. И еще я стеснялся оспинки на щеке около носа, оставшейся после ветрянки. В средней школе я старался скрыть ее и так часто потирал ямку пальцем, что внес туда заражение. Вообще-то меня донимали и другие кожные болезни типа сыпи и прыщей. У меня они имели пурпурную окраску, что, по словам дерматолога, свидетельствовало о какой-то вялотекущей инфекции.

Сейчас мне тридцать четыре года, но я по-прежнему мучаюсь фурункулами – теперь уже не на лице, а на ягодицах и под мышками.

В школе я выделялся стильной одеждой, и это делало меня популярным среди сверстников. К примеру, мне очень нравился голубой кашемировый свитер, который я носил почти четыре года. Когда он начал пахнуть слишком сильно, наш физрук велел мне выбросить его. В конечном счете он сделал это сам, потому что я наотрез отказывался ходить в душ после занятий по физкультуре.

Однако интерес к науке во мне пробудили не журналы, а «Американский еженедельник». Возможно, вы помните статью от 4 мая 1935 года о Саргассовом море. В то время мне исполнилось десять лет и я оканчивал четвертый класс. Вследствие малого возраста мне нравились только развлекательные книги. Но в еженедельнике был большой рисунок в шести-семи цветах. Он занимал весь разворот, и на нем изображались корабли, застрявшие в Саргассовом море. Некоторые из них находились в плену сотни лет. Меня поразили скелеты моряков, покрытые морскими водорослями, и сгнившие паруса, свисавшие с мачт. А корабли были разными –

имелись даже древнегреческие и римские, времен Колумба и викингов. Они перемешались друг с другом и замерли навеки! Никакого движения!

Жертвы, пойманные Саргассовым морем!

В статье говорилось, что корабли затягивались туда и, попав в западню, уже никогда не возвращались назад. Их было много; они стояли бок о бок, растянувшись на целые мили. Все виды кораблей, существовавших когда-либо.

Хотя позже, с переходом на паровые двигатели, некоторым из них удавалось вырваться, и лишь потому, что они двигались своим ходом, а не по воле ветров и течений.

Статья зацепила мое воображение и чем-то напомнила мне тот классный эпизод с Джеком Армстронгом в «Американском парне», где он попал на затерянное кладбище слонов. Я вспомнил, что Джек имел металлический ключ, который странно резонировал, когда его вставляли в скважину, и это был ключ к кладбищу. Довольно долго я стучал по каждому куску металла, попадавшемуся мне на глаза, и проверял его на резонанс. Мне тоже хотелось найти затерянное кладбище слонов (по идее, дверь должна была находиться в какой-то скале). Прочитав статью о Саргассовом море, я заметил важное сходство: затерянное кладбище искали из-за больших запасов слоновой кости, а в Саргассовом море хранились сокровища на миллионы долларов! Грузы в трюмах старых кораблей томились, ожидая, когда их найдут и заявят права на алмазы и золото. Но в данном случае имелась огромная разница: в то время как кладбище слонов было легендой, распространяемой туземцами и спятившими от лихорадки исследователями, существование Саргассового моря считалось научно доказанным фактом.

Однажды, когда родители привели сестру из школы, я разложил статью на полу нашей гостиной в том доме, который мы арендовали на Иллинойс-авеню. Мне хотелось заинтересовать Фэй своей идеей. В то время ей было только восемь лет. У нас начался спор, и мы подняли такой шум, что отец схватил «Американский еженедельник» и бросил его в ведро, стоявшее под раковиной. Это так расстроило меня, что я даже немного помечтал о том, чтобы он сгинул в Саргассовом море. Поступок был настолько отвратительным, что я и теперь стараюсь не вспоминать о нем. То был один из худших дней моей жизни, и, конечно, вся вина лежит на Фэй – если бы она прочитала статью и выслушала мои пояснения, которые я собирался изложить ей, то ничего плохого бы не произошло. Этот случай действительно расстроил меня. Была уничтожена не только важная статья, но и нечто очень красивое. Как будто растоптали утонченную мечту.

К сожалению, мои родители не интересовались наукой. Отец в паре с одним итальянцем выполнял небольшие заказы по строительным и малярным работам, а до этого он несколько лет трудился в ремонтном управлении южного участка тихоокеанской железной дороги.

Их главный офис располагался в Гилрой-Ярдс. Он никогда ничего не читал, кроме «Вестника Сан-Франциско», «Читательского обозрения» и «Национального географического журнала». Моя мать какое-то время выписывала «Либерти», но затем, потеряв свой бизнес, перешла на «Эффективное домоводство». Никто из них не стремился к наукам и образованию. Нас с Фэй постоянно ругали за чтение книг, а в годы нашего детства родители устраивали набеги на мою комнату и сжигали все, что им удавалось найти, любые печатные издания и даже библиотечные тома. Во время Второй мировой войны, когда я служил в армии и сражался за морями на далекой Окинаве, они вошли в мою комнату (которая всегда принадлежала мне), собрали научно-фантастические журналы и альбомы с наклеенными картинками девушек, все книги о стране Оз и альманахи «Популярная наука», а затем сожгли их на заднем дворе, как делали это в моем детстве. И когда я вернулся с фронта, защитив их от коварного врага, то нашел, что в доме нечего читать. А моя любимая подборка статей о необычных научных фактах исчезла навсегда. Хотя я помню, что самым пугающим фактом из тысяч других был вес, которым обладают фотоны. Каждый год свет от Солнца увеличивает вес Земли на десять тысяч фунтов. Этот факт так прочно засел в моей голове, что однажды я решил произвести расчеты.

Оказалось, что с тех пор, как я узнал о весе фотонов в 1940 году, на Землю упало почти миллион девятьсот тысяч фунтов солнечного света!

Еще в моей подборке упоминался факт, который сейчас начинают признавать многие интеллигентные люди.

Я имею в виду использование необъяснимых сил ума для перемещения объектов на расстоянии! А ведь я знал об этом всегда, потому что еще ребенком занимался подобными штучками. И не только я, но и вся моя семья! Даже отец. Мы всегда так забавлялись, особенно в публичных местах и закусовых. Однажды мы всей семьей сконцентрировались на мужчине в сером костюме и заставили его поднять правую руку и почесать шею. В другой раз в автобусе мы воздействовали на толстую цветную женщину, заставляя ее выйти на следующей остановке. Помню, нам потребовалось несколько попыток, потому что женщина оказалась большой и тяжелой. А еще один раз наш семейный сеанс был испорчен моей сестрой. Когда мы сидели в какой-то приемной и концентрировались на дремавшем мужчине, она внезапно сказала:

– Что за куча дерьма!

Родители ужасно разозлились. Отец дал Фэй подзатыльник не столько из-за грубой фразы, которая не соответствовала ее возрасту (сестре тогда исполнилось одиннадцать), сколько из-за сбоя нашей мысленной концентрации. Я думаю, она подхватила эту фразу у какого-то парня в своей прогрессивной школе имени Милларда Филмора. В ту пору она ходила в пятый класс, но уже становилась грубой и резкой. Ей нравилось играть в бейсбол и драться. На игровых площадках она всегда была с парнями, а не с девочками. Как и я, Фэй выглядела сухопарой, но она умела быстро бегать, почти как профессиональная спортсменка. Она часто выхватывала у меня что-нибудь, например мой недельный пакетик ююбы, который я получал по субботам вместе с карманными деньгами, и, убежав куда-то, съедала его. Фэй никогда не набирала вес, даже теперь, когда ей за тридцать. Однако все признают, что у нее красивые длинные ноги и легкая походка. Дважды в неделю она посещает тренажерный зал и класс современных танцев. Моя сестра весит около ста шестнадцати фунтов.

Она всегда вела себя как мальчишка и перенимала у мужчин их ругательства. В качестве первого мужа Фэй выбрала парня, который владел небольшим заводом, производившим металлические вывески, решетки и ворота. Вплоть до сердечного приступа он был очень грубым человеком. Переехав жить в Марин-Каунти, они чудили как могли: облазили все скалы в Пойнт-Рейс и завели арабского скакуна, на котором совершали верховые прогулки. Странно, что сердечный приступ настиг Чарли во время игры в бадминтон – фактически детской игре. Волан, запущенный Фэй, пролетал над его головой. Он начал отбегать назад, нога попала в нору суслика, и Чарли повалился на спину. Затем он встал, ругнулся матом, когда увидел, что его ракетка сломалась, и пошел в дом за новой, а потом, выходя из двери, заработал сердечный приступ.

Конечно, они с Фэй часто ссорились, и, возможно, проблемы с сердцем были как-то связаны с их взаимоотношениями. Когда Чарли злился, он не следил за словами, и Фэй отвечала ему тем же, не просто используя уличный жаргон, а специально подбирая оскорбления. Они знали слабые места друг друга и, выкрикивая ложь, приправленную правдой, старались нанести обиду побольше. Все это слышали их дети. Чарли постоянно сквернословил даже в обычной беседе. Впрочем, что еще ожидать от человека, который вырос в провинциальном колорадском городке? Тем не менее его плоские шуточки нравились Фэй. Это была идеальная пара. Помню, однажды мы сидели на открытой веранде, радуясь солнцу, и я что-то рассказывал им о космических путешествиях. Внезапно Чарли произнес:

– Исидор, ты настоящий недоумок.

Фэй засмеялась, потому что оскорбление причинило мне боль. Она даже не подумала, что я ее брат. Мою сестру не волновало, кого оскорблял ее муж. Грязный неряха с отвисшим брюшком, сосущий пиво и ковыряющий в носу! Невежественный выходец захудалого штата,

едва окончивший школу! И он еще смел называть меня недоумком! Эта нелепость настолько поразила меня, что я с иронией использовал ее в названии книги. Мне смешно смотреть на всех этих Чарли Хьюмов с их портативными приемниками, настроенными на матчи «ГИГАНТОВ». Большие сигары, всунутые в дряблые губы; тупое выражение на жирных красных лицах... И такие неряхи управляют нашей страной, ее бизнесом, армией и флотом, фактически всем. Это остается для меня неразрешимой загадкой. Пусть на заводе Чарли работают семь человек. Но подумайте сами! Семь нормальных парней зависят от какого-то узколобого самодура, и такое социальное положение позволяет ему плевать на нас, на людей, имеющих талант и тонкую натуру.

Особняк в Марин-Каунти обошелся им в большую сумму денег, потому что Фэй решила строить его самостоятельно. После свадьбы они жили в Петалуме, где находился завод Чарли. В 1951 году Хьюмы купили десять акров земли, наняли архитектора, и тот сделал им проектную документацию для дома.

Мне кажется, что Фэй связала свою жизнь с таким мужчиной только для того, чтобы обзавестись огромным домом. Когда они впервые познакомились, Чарли владел заводом и получал чистыми на руки почти сорок тысяч в год (по крайней мере, он так говорил). Наша семья всегда была бедной. Мы постоянно питались дешевыми пищевыми наборами, у которых истекал срок годности, и я не думаю, что последние несколько десятилетий мой папенька мог позволить себе новый костюм. Фэй просто повезло. Выиграв право на бесплатное обучение в колледже, она начала встречаться с людьми из богатых семей, с парнями из студенческих обществ, которые были одержимы походами, ночными кострами и прочей ерундой. Примерно год она ходила со студентом, который изучал юриспруденцию. Он выглядел как гомик и никогда мне не нравился, хотя и любил поиграть в пинбол на игровых автоматах, якобы для того, чтобы изучить распределение математических вероятностей. Чарли встретил Фэй случайно в придорожной бакалее на трассе номер один около Форт-Росс. Она стояла в очереди впереди него и покупала булочки с изюмом, кока-колу и сигареты. Фэй напевала мелодию Моцарта, услышанную на уроках музыки в колледже. Чарли подумал, что это старый церковный гимн, который он пел в своем занюханном колорадском Кэнон-Сити. Одним словом, он завел с ней разговор. А снаружи стоял его «Мерседес-Бенц», и на радиаторе сияла знаменитая звезда с тремя лучами. Естественно, Чарли носил на рубашке значок с такой же звездой, поэтому Фэй и все остальные понимали, чья машина находилась на стоянке. Моя сестра всегда хотела обзавестись хорошей машиной, особенно зарубежной марки.

Насколько я знаю эту парочку, их разговор мог быть примерно таким:

– Эта машина на шести цилиндрах или восьми? – спросила Фэй.

– На шести, – ответил Чарли.

– Бог мой! Всего на шести?

– Даже «Роллс-Ройс» на шести. Европейцы не делают двигатели на восьми цилиндрах.

А зачем вам нужен восьмицилиндровый мотор?

– Господи! «Роллс-Ройс» на шести цилиндрах?

Фэй всю жизнь мечтала прокатиться на «Роллс-Ройсе». Как-то раз она заметила эту машину на стоянке у модного ресторана в Сан-Франциско. Мы трое – она, я и Чарли – несколько раз обошли вокруг нее.

– Классная тачка, – сказал Чарли и начал перечислять мне характеристики машины.

Эта информация не интересовала меня. Если бы я мог выбирать, я выбрал бы «Тандерберд» или «Корвет». Фэй делала вид, что слушает мужа, но, судя по всему, пропускала его слова мимо ушей. Похоже, ее что-то раздражало.

– Она такая сверкающая, – сказала сестра. – Я всегда считала, что «роллсы» относятся к классическим моделям. Как, например, военный седан времен Первой мировой войны – машина для настоящих офицеров.

Если вы когда-нибудь видели новый «Роллс», то подумайте сами. Корпус маленький, слишком много металла; формы обтекаемые, но тяжелые и неуклюжие на вид. Очень похож на «Ягуара», хотя и более громоздкий. Британские формы, если вы понимаете, о чем я говорю. Мне такую машину не всучили бы даже на спор, и я видел, что Фэй склонялась к тому же мнению. «Роллс», на который мы смотрели, имел серебристо-голубую окраску, с большим количеством хрома. Фактически машина вся сияла полированной поверхностью, и это радовало Чарли, потому что ему нравился металл, а не пластик и дерево.

– Реальная тачка! – восклицал он.

Парень явно понимал, что не сможет навязать нам свои вкусы. Тем не менее он продолжал повторяться и вести себя бестактным образом. Если отбросить ругательства и вульгарные выражения, его словарный запас соответствовал уровню шестилетнего ребенка: несколько фраз перекрывали весь диапазон потребностей.

– Вот уж действительно машина, – подытожил он, направляясь к дому родственника, которого мы иногда навещали в Сан-Франциско. – Но ей не место в Петалуме.

– Особенно на парковке у твоего завода, – со смехом добавил я.

– Нам пришлось бы вложить в нее почти все деньги, – заметила Фэй. – Двенадцать тысяч долларов.

– Черт! – рявкнул Чарли. Ее можно купить и дешевле. Я знаю парня, который заведует салоном «Бритиш Мотор Кар».

Судя по всему, он хотел этот «роллс». Будь он один, то, наверное, купил бы его. Но их деньги должны были пойти на дом в Марин-Каунти, нравилось это Чарли или нет. Фэй не позволила бы ему приобрести еще одну машину. Кроме «Мерседеса» он владел «Триумфом», «Студебекером Голден Хок» и несколькими грузовиками, предназначенными для бизнеса. Фэй заказала архитектору отопление на электрических батареях, а в тех краях, где они жили, электричество грозило обойтись им в целое состояние. Все нормальные люди пользовались бутаном или жгли дрова. Но Фэй всегда хотелось быть особенной. На коровьем пастбище моя сестра возводила современный дом, превосходящий по роскоши даже особняки в Сан-Франциско, с нишами для душевых кабин, с разноцветным кафелем и панелями из красного дерева, с лампами дневного света, кухней под заказ, посудомоечными машинами и электрическими сушилками, с приемниками, проигрывателями и динамиками, вделанными прямо в колонны комнат. Дом имел стеклянную стену с видом на пастбище. В центре гостиной располагался камин с округлой жаровней для барбекю и с вытяжкой, ведущей в черный дымоход. На тот случай, если какое-то горящее полено выкатится из огня, пол вокруг камина покрыли каменной плиткой. Фэй захотелось иметь четыре спальные комнаты плюс кабинет для Чарли, в котором можно было бы размещать гостей. Три ванные распределялись следующим образом: одна для детей, одна для гостей и одна для Фэй и Чарли. Еще были швейная комната, мастерская, семейный и обеденный залы и даже комната для холодильника. Почти везде имелись телевизоры.

Все здание покоилось на огромной бетонной плите. Эта плита и каменное покрытие на полу в гостиной делали дом ужасно холодным, поэтому обогреватели никогда не выключались, разве что в самый разгар лета. Если вы выключали электрические батареи и шли спать, то утром дом казался холодильной камерой в сыром промозглом погребе. После завершения строительства Чарли, Фэй и дети переехали в особняк. Несмотря на камин и обогреватели, они мерзли там с октября по апрель. В дождливые сезоны вода во дворе не впитывалась в землю, а просачивалась в дом через щели под дверями и рамой стеклянной стены. В 1955 году особняк оказался буквально посреди пруда и простоял так два месяца. Им пришлось вызвать подряд-

чика и сделать новую дренажную систему, чтобы осушить участок и отвести грунтовые воды от дома. В 1956 году они установили в каждой комнате двадцатидвухвольтовые настенные радиаторы, с ручным управлением и термостатами, потому что из-за сырости одежда и постельное белье покрывались плесенью. Однажды зимой электроэнергия отключалась на несколько дней. Они не могли готовить на электроплите. Насосы, которые откачивали грунтовые воды, тоже перестали работать. Электрические нагреватели бездействовали. Все приходилось варить и разогревать в камине. Фэй стирала одежду в цинковом ведре, подвешенном над горящими поленьями. С той поры, как они поселились в доме, все четверо каждую зиму подхватывали простуду. Им сделали три отдельные системы обогрева, но дом по-прежнему оставался холодным. К примеру, длинный коридор между детскими комнатами и гостиной вообще не отапливался, и малышки мерзли, выбегая в пижамах из теплых комнат на холод, а затем возвращаясь обратно. Причем они делали это каждый вечер по крайней мере по шесть раз.

Перебравшись в эту глушь, Фэй не смогла найти толковую няньку для девочек, и в результате они с Чарли перестали навещать друзей и знакомых. Людям приходилось приезжать к ним в особняк, а на дорогу от Сан-Франциско до Дрейкз-Лендинга требовалось около полутора часов нелегкой езды.

И все-таки они любили свой дом. У них имелись четыре черномордые овцы, поедавшие траву за стеклянной стеной, арабский конь, большущий колли ростом с пони, который выигрывал призы на выставках собак, и несколько красивых импортных уток. Можно сказать, что то время, когда я жил вместе с ними, было лучшим в моей жизни.

(три)

Подскакивая от тряски, они ехали в грузовом «Форде-пикап». Чарли сидел за рулем, а Элси на заднем сиденье. Когда машина свернула с асфальта на гравий, ему пришлось объехать яму по обочине дороги. На холме паслась овца. Чуть ниже белел фермерский домик.

– Ты купишь мне жвачку? – спросила Элси. Там в магазине? Ты купишь мне «Блэк Джек»?

– Значит, еще и жвачку, – сжимая руль, проворчал Чарли.

Он поехал быстрее. Рулевое колесо буквально вырывалось из рук. Я должен купить коробку «тампакс», напомнил он себе. Тампакс и жевательную резинку. Интересно, что они там скажут, в «Мэйфер-маркет»? И как я буду выглядеть?

Он задумался. Почему она заставляет меня делать это? Привозить ей «тампакс»?

– Что мы будем покупать в универсаме? – спросила Элси.

– «Тампакс»! – рявкнул он. – И твою жвачку!

В его голосе было столько ярости, что девочка испуганно вскинула голову и посмотрела на него. Прижавшись к двери и съежившись, она осторожно спросила:

– Ты чего?

– Сама она стесняется делать такие покупки. Поэтому просит меня. Черт бы ее побрал! Она заставляет меня ходить и покупать ей тампоны!

«Я когда-нибудь убью ее», – подумал он.

Конечно, она придумала хороший повод. Он поехал в Олему на встречу с друзьями. Фэй позвонила и попросила его купить коробку «тампакс» по дороге назад. «Милый, ты же знаешь, «Мэйфер» закроется через час. Сама я не успею». Универсам закрывался в пять или шесть часов вечера. Он не помнил точно. Иногда так, а в другие дни эдак.

Но что случится, если она не получит тампоны? Неужели истечет кровью до смерти? «Тампакс» – это ведь затычка, типа пробки. Или нет? Он попытался представить себе устройство женских гениталий. Откуда берется кровь? Наверное, откуда-нибудь оттуда. Черт, я не обязан знать о таких вещах. Это ее личное дело. «Тем не менее, – подумал он, – раз женщины используют тампоны, значит, так и нужно. Должны же они как-то задерживать кровотечение...»

Впереди появились здания с рекламными вывесками.

Он проехал станцию Пойнт-Рейс, пересек мост над речушкой у бумажной фабрики и, когда слева показался луг, свернул налево к автосервису Чеда. Затем они промчались мимо магазина Харольда и старой заброшенной гостиницы. На грязном поле, которое служило парковкой «Мэйфер», он остановился рядом с пустым сеноуборочным прицепом. Чарли вышел из машины.

– Пошли, – сказал он Элси, открыв дверь с ее стороны.

Девочка не пошевелилась. Он схватил ее за руку и стащил с сиденья. Дочь оступилась, но он не дал ей упасть. Они зашагали по улице.

«Я могу купить кучу разного дерьма, – подумал он. – Наберу целую корзину, и тогда никто, кроме кассирши, не заметит прокладок».

У входа в «Мэйфер» на него накатил страх. Он остановился и присел, притворившись, что завязывает шнурок на ботинке.

– У тебя развязался бантик? – спросила Элси.

– А сама не видишь? – ответил он, перевязывая шнурок заново.

– Не забудь купить «тампакс», – напомнила она ему.

– Заткнись, – сердито рявкнул Чарли.

– Ты плохой! – закричала Элси и заплакала в голос. – Уйди от меня!

Она начала бить его руками по спине. Он поднялся во весь рост, и девочка отступила, все еще колотя его ладошками. Схватив малышку за запястье, он втолкнул ее в магазин и, пройдя мимо деревянного прилавка, направился к полкам с консервами.

– Слушай, черт бы тебя побрал, – сказал Чарли, склонившись к дочери. – Веди себя тихо и держись рядом со мной! Иначе, когда мы вернемся к машине, я всыплю тебе так, что ты запомнишь надолго! Ясно? Все понятно? А если будешь вести себя тихо, я куплю тебе жвачку. Какую ты хочешь?

Он повел ее к полке у двери, взял из лотка две пачки жевательной резинки «Блэк Джек» и сунул их в ладошку Элси.

– Теперь заткнись и дай мне подумать. Я должен вспомнить, что собирался купить.

Он положил в корзину хлеб, кочан латука и пакетик с кашей, затем несколько приправ, которые всегда были нужны, апельсиновый сок и пачку «Пэлл-Мэлл». После этого Чарли направился к полке, на которой лежали «тампакс». Никого рядом не было. Он бросил одну коробку в корзину и подсунул ее под другие покупки.

– Ну вот. Мы почти закончили.

Чарли подтолкнул тележку с корзиной к кассе. Там стояли две женщины в синей униформе и старая леди, которая показывала им семейную фотографию. Они о чем-то оживленно говорили. Прямо напротив кассы молодая женщина осматривала полку с винами. Чарли развернул тележку назад и начал выгружать продукты обратно на полки. Внезапно он понял, что женщины видели его. Ему следовало что-то купить, иначе они найдут это странным: человек проходил перед ними с полной корзиной, а чуть позже ушел с пустыми руками. Они посчитают его полоумным. Чарли выложил только коробку с тампонами. Он снова повернул тележку к кассе и встал в очередь.

– А «тампакс»? – тихо спросила Элси (таким придушенным от страха голосом, что если бы он не был в курсе дела, то, наверное, не понял бы ее).

– Забудь об этом, детка.

Оплатив покупки, он понес пакет с продуктами к пикапу. Его одолевало отчаяние. Что же мне делать, спрашивал он себя. Я должен купить эту дрянь. Но если я вернусь в универсам, то еще больше привлеку внимание. Может быть, доехать до Фэрфакса и приобрести тампоны там? В одной из новых больших аптек?

Стоя у грузовика, он не мог ни на что решиться. Затем его взгляд переместился на вывеску «Западного бара». «Какого черта», – подумал Чарли. Нужно сесть за столик и подумать. Он взял дочь за руку и направился к бару, но на кирпичных ступенях вдруг понял, что с ребенком его не пропустят.

– Тебе придется посидеть в машине, – сказал он Элси и повел ее обратно на стоянку.

Девочка тут же начала упираться и плакать.

– Всего пару секунд. Ты же знаешь, они не пустят тебя в бар.

– Нет! – закричала девочка, когда он потащил ее через улицу. – Я не хочу сидеть одна! Я хочу пойти с тобой!

Чарли затолкал ее в кабину грузовика и закрыл двери. Чертовы бабы, подумал он, возвращаясь к бару. Они просто сводят меня с ума.

Первый «джин-бак»² он выпил в два глотка. В просторном зале никого не было. Здесь, как всегда, царил полумрак. Чарли немного расслабился и начал размышлять.

«Я заеду в хозяйственный магазин и куплю ей какой-нибудь подарок. Чашку или что-то в этом роде. Какие-нибудь кухонные принадлежности. – Внезапно ему захотелось убить свою жену. – Я приеду домой, – подумал он, – войду в дом и выбью дурь из ее башки. Изобью эту стерву до смерти».

---

² Порция джина стоимостью в один доллар.

Чарли выпил второй «джин-бак».

– Сколько времени? – спросил он у бармена.

– Пять пятнадцать, – ответил тот.

В зал вошла группа парней. Они заказали пиво.

– А когда закрывается «Мэйфер»? – спросил Чарли.

Один из посетителей ответил, что универсам закрывается в шесть. Бармен настаивал на пяти. Между ними разгорелся спор.

– Ладно, забудьте, – сказал Чарли.

Выпив третий «джин-бак», он решил вернуться в магазин и купить коробку тампонов. Чарли расплатился за напитки, вышел из бара и направился в универсам. Побродив среди полок с консервированными супами и пакетами спагетти, он купил «тампакс» и банку копченых устриц, которые любила Фэй. Когда он подошел к грузовику и нажал на дверную ручку, начались очередные неприятности. Чарли вспомнил, что закрыл дверь на замок.

Элси спала, прислонившись лицом к стеклу. Он опустил пакет на землю и порылся в карманах. Где, черт возьми, ключи? Может, в замке зажигания? Он заглянул в кабину. О господи! Там их тоже не было. Где же они? Чарли постучал по стеклу и закричал:

– Эй, детка, проснись. Ты слышишь? Просыпайся!

Он снова постучал по стеклу. Наконец Элси подняла голову и сонно посмотрела на него. Он указал на «бардачок».

– Посмотри, ключ там или нет? И потяни эту кнопку.

Чарли ткнул пальцем в стекло над дверной защелкой.

– Потяни ее вверх, чтобы я мог открыть эту чертову дверь!

Наконец замок щелкнул, и он забрался в кабину.

– Что ты купил? – спросила дочь, потянувшись к бумажному пакету. – Тут есть что-нибудь для меня?

Под ковриком у него был спрятан запасной ключ. Чарли держал его на всякий случай. «Трудно понять, куда они деваются, – подумал он, заводя машину. – Надо сделать дубликат. – Он еще раз ощупал карманы плаща... Брелок с ключами оказался на месте в правом кармане, где ему и полагалось быть. А почему он раньше его не нашел? – Господи, – подумал Чарли. – Я, кажется, напился».

Он вырулил со стоянки на шоссе номер один и помчался в том направлении, откуда приехал.

Добравшись домой, Чарли припарковал машину в гараже рядом с «Бьюиком» жены, затем взял пакеты с покупками и направился к передней двери. Из гостиной доносилась классическая музыка. Через стеклянную стену он увидел Фэй. Она стояла спиной к нему и укладывала тарелки в сушилку. Когда Чарли и Элси подошли к передней двери, Бинг вскочил с матраса, и размахивая пушистым хвостом, побежал к ним навстречу. Собака оперлась передними лапами о грудь Чарли и едва не сбила его с ног, заставив уронить один пакет. Он повернулся боком, оттолкнул пса коленом и вошел в гостиную. Элси, оставив его разбираться с покупками, побежала в заднюю часть дома.

– Привет, – крикнула Фэй из кухни.

Ее голос заглушала музыка. Чарли даже не сразу понял, что она поздоровалась с ним. Казалось, это был звук какого-то инструмента на фоне мелодии. Затем она вошла в гостиную и, вытирая руки о полотенце, пошла к нему легкой манящей походкой. Широкий пояс на талии был завязан бантом. Облегающие брюки, рубашка, сандалии, непричесанные волосы... О боже, подумал Чарли. Как хорошо она выглядела! Ее грациозная подвижность! Готовность развернуться и пойти в любом направлении. Постоянная уверенность в твердой почве под ногами.

Открывая пакеты с покупками, он взглянул на ее ноги и представил в уме высокие взмахи, которые Фэй делала по утрам во время зарядки. Вот она распростерта на полу... одна

нога взлетает вверх, пальцы обхватывают лодыжку, тело сгибается к ноге... У нее сильные ноги, подумал он. Такие крепкие, что могут сломать мужчину пополам. Расчленив пополам, кастрировать... Частично ее закалила езда без седла. Она любила скакать на коне, сжимая ногами бока разгоряченного животного.

– Посмотри, что я купил, – сказал он, передавая ей банку с копчеными устрицами.

– Ого, – произнесла она.

Фэй взяла банку, всем своим видом показывая, что она понимает значение подарка – демонстрацию его чувств и любви. В этом деле она была лучшей в мире, и принимая презенты, умела выражать признательность супругу, девочкам, соседям и кому угодно. Она никогда не говорила длинных речей и не преувеличивала значение вещи, но всегда давала понять, по какой причине ценила конкретный подарок.

Фэй взглянула на мужа, и на ее лице промелькнула быстрая, похожая на гримасу усмешка. Склонив голову набок, она выжидающе посмотрела на него.

– Это тоже тебе, – сказал он, вытаскивая коробку «тампакс».

– Спасибо.

Когда она взяла тампоны, Чарли отступил на шаг и, тяжело вздохнув, ударил ее в грудь. Она отлетела назад и выронила банку с устрицами. Он метнулся к ней. Фэй удержалась на ногах, хотя и сбила на пол лампу, пытаясь ухватиться за край стола. Чарли ударил жену еще раз так сильно, что ее очки слетели с лица. Она покатилась кувырком вместе со скатертью и тарелками, которые посыпались на нее со стола.

Элси, стоявшая в дверном проеме, громко заплакала.

В гостиную вбежала Бонни. Он увидел ее бледное лицо и глаза, круглые от ужаса. Она ничего не говорила, просто сжимала дверную ручку и молчала...

– А ну, вон! – крикнул он. – Убирайтесь отсюда!

Он сделал пару шагов в их направлении. Бонни даже не шевельнулась. Но Элси взвизгнула и убежала.

Встав на колени, Чарли схватил Фэй за ворот рубашки и усадил ее на пол. Рядом валялись осколки керамической пепельницы, которую она разбила. Придерживая жену правой рукой, он начал собирать острые куски и складывать их на стол. Фэй вяло уткнулась головой в бок мужа.

Ее глаза открылись, губы безвольно раздвинулись. Она тупо смотрела в пол и морщила лоб, словно осмысливала происходящее. Затем Фэй расстегнула две пуговицы на рубашке, просунула ладонь внутрь и ощупала грудь. Она была слишком ошеломлена, чтобы говорить.

Чарли попытался объяснить ей свой поступок.

– Ты знаешь, что я чувствовал, когда покупал эту чертову дрянь? Почему ты сама не можешь позаботиться о себе? Почему я должен привозить тебе все эти бабские тампоны?

Она медленно приподняла голову и посмотрела на него. В ее глазах клубилась та же непонятная тьма, что и в глазах девочек. Все они отвечали ему отчуждением, этим непрерывным бегством за грань, которую он не мог ни понять, ни проследить. Они трое вместе... а он отдельно от них, способный лишь смотреть и оценивать внешние проявления. Куда они уходили? Он не понимал. Куда-то от общей семьи и дружеских советов. Их глаза сияли безмолвным обвинением; они ничего не говорили, но он видел этот блеск. Даже стены дома излучали неприязнь к нему.

Фэй поднялась на ноги и с трудом прошла мимо него. Ей пришлось опереться на Чарли, и ее пальцы в толчке опрокинули его на спину. В любом движении она превосходила его. Фэй сбила его с ног. Отпихнула в сторону, чтобы встать и уйти. Мелькнули руки, каблуки... Она переступила через него и направилась к выходу, цокая подковками по плитам пола. Каждое прикосновение давало ей твердую опору. Такие, как Фэй, не падали никогда. Однако в дверях ей стало дурно. Она пошатнулась, ухватилась за ручку и какое-то время не могла идти дальше.

Он вскочил и побежал за ней.

– Куда ты уходишь?

Ответа не предполагалось. Он и не ждал его.

– Признайся, ты же знала, насколько я буду смущен. Могу поспорить, что ты заранее вычислила мои действия... Что я зайду в «Западный бар» и выпью пару стаканов. Но мне удалось удивить тебя, верно?

Она открыла дверь и пошла по аллее, покрытой кипарисовой хвоей. Он видел только ее спину и волосы, плечи, ноги и каблуки. «Демонстрирует мне свое презрение», – со злостью подумал Чарли. Она шла к машине, к ее «Бьюику», припаркованному в гараже. Чарли остановился в дверном проеме, наблюдая за ее удалявшейся фигурой. Боже, как быстро она двигалась... Чуть позже длинный серый «Бьюик» выкатился на дорожку. Слепящий свет фар. Через открытые ворота и дальше к трассе. Куда? В дом шерифа? «Она сама довела меня до этого, – подумал он. – И я поддался. Избиение жены...»

«Бьюик» исчез из виду, оставив облачко дыма. Он все еще слышал шум мотора и представлял себе, как машина едет по узкой дороге, поворачивая то налево, то направо. Никаких ошибок. Фэй прекрасно знала дорогу и не съехала бы с нее даже в сильный туман. «Она здорово водит машину, – подумал Чарли. – Я снимаю шляпу перед ней. Она либо вернется с шерифом Чисхолмом, либо уедет навсегда». Внезапно он вздрогнул от неожиданности. «Бьюик» снова появился в поле зрения, свернул на дорожку и промчался мимо створа ворот. О господи! Машина развернулась и остановилась в метре от него. Хлопнув дверью, Фэй направилась к нему.

– Ты вернулась? – с фальшивой бесстрастностью спросил он.

– Я не хочу оставлять детей наедине с тобой, – ответила она.

– Черт! – проворчал ошеломленный Чарли.

– Похоже, мне придется забрать их с собой. Ты не против?

Ее слова сыпались как горох.

– Решай сама, – с трудом ответил он. – Ты надолго уедешь? Когда? Сейчас?

– Не знаю.

– Может быть, обсудим это дело? Сядем и подумаем? Заходи, не бойся.

Фэй прошла мимо него и, не оборачиваясь, сказала:

– Ты не возражаешь, если я успокою детей?

Ее фигура исчезла за кухонным шкафом. Чарли услышал, как жена звала девочек, которые прятались где-то в задней части дома. Он пошел за ней следом.

– Ты можешь больше не бояться. Я тебя не трону.

– Что? – спросила она, выглянув из ванной комнаты, которая предназначалась для девочек.

– Просто я вышел из себя, – преградив ей проход, признался Чарли.

– Ты не видел их? – спросила Фэй. – Они не выходили во двор?

– Я не знаю. Но если даже и вышли...

– Может, дашь мне пройти?

Ее голос дрожал от напряжения. Она по-прежнему держала ладонь под рубашкой и прижимала ее к груди.

– Кажется, ты сломал мне ребро, – со стоном сказала Фэй. – Я едва могу дышать.

Тем не менее она держалась уверенно и спокойно.

Полный контроль над собой. Чарли видел, что она не боялась его, хотя и была настроена бдительно. Абсолютная бдительность и быстрота реакции. Но десять минут назад она не смогла увернуться от его ударов. Он отправил ее в полет, и никакая бдительность не помогла. «Нет, – подумал он, – Фэй не такая уж крутая. Будь она действительно в прекрасной форме, и если бы от ее утренних упражнений была реальная польза, ей бы удалось блокировать удары. Да, она неплохо играет в теннис, гольф и пинг-понг. Тут Фэй вне конкуренции. И фигура у нее

лучше, чем у любой другой женщины в округе... Могу поспорить, что у нее самое красивое телосложение во всем Марин-Каунти».

Пока Фэй искала и успокаивала детей, он бродил по дому в поисках какой-нибудь работы. Чарли вынес из кухни картонный ящик с отходами и отправил его в мусоросжигательную печь. Затем он пошел в мастерскую и завинтил все медные шурупы на ремешке ее кожаной сумочки. Они время от времени раскручивались, и Фэй складывала их в маленький кармашек. «Что бы еще сделать», – с тоской подумал он. Радио в гостиной перестало транслировать классическую музыку и перешло на легкий джаз. Чарли решил найти другую станцию. Настраивая приемник, он вдруг вспомнил об ужине и отправился на кухню посмотреть, что там имеется. Судя по всему, он отвлек Фэй от приготовления салата. На боковом столике стояла полуоткрытая банка с анчоусами. Рядом лежали латук, помидоры и зеленый перец. На электрической плите, встроенной в стенку по личному заказу Фэй, в кастрюле кипела вода. Он перевел рукоятку с «высокого» накала на «низкий», затем взял нож и начал счищать кожуру с авокадо... Фэй плохо удавалась такая работа. Она была слишком нетерпеливой. Обычно Чарли брал очистку кожуры на себя.

(четыре)

Весной 1958 года мой старший брат Джек, живший в калифорнийской Севилье, украл из супермаркета банку с «муравьями в шоколаде». Он был пойман бдительным управляющим и передан в руки полиции. В ту пору ему исполнилось тридцать три года. Мы с мужем хотели убедиться, что с ним обойдутся по-хорошему, и поэтому помчались к нему из Марин-Каунти.

В конце концов полиция отпустила его. Владелец магазина не пожелал выдвигать обвинений, однако Джека заставили подписать признание о краже. Им просто нужно было отучить его от мелкого воровства, и если бы брата повторно поймали на хищении сладостей, то из-за этого признания он тут же угодил бы в тюрьму. Хитрость торгашей. Слабоумному парню намекнули на свободу, и он все подписал. Его отпустили. А он своими куриными мозгами только о том и мечтал. Расчет барыг оказался верным: Джек не смел и смотреть на этот магазин. Его так напугали, что он даже перестал ломать пустые ящики на свалке грузового дока.

К тому времени мой брат уже несколько месяцев снимал комнату на Ойл-стрит около Тайлера, в цветном районе Севильи, хотя следует признать, что эта часть города была одной из самых интересных. Там располагались маленькие магазинчики по двадцать штук на квартал, с лотками, занимавшими полтротуара. В них продавали пружины для матрацев, железные трубы с гальваническим покрытием и охотничьи ножи. В юности мы воображали, что каждый магазин был фасадом какого-то храма или тайного сообщества. Несмотря на щадящую плату за аренду комнаты и вполне приличный заработок в его отвратительной бандитской мастерской, Джек тратил кучу денег на одежду и поездки с друзьями, поэтому ему постоянно приходилось жить в подобных местах.

Мы припарковались на стоянке, где брали по двадцать пять центов за час, и, петляя среди желтых автобусов, пошли пешком к многоэтажному дому с меблированными комнатами. Попав в этот район, Чарли начал заметно нервничать. Он все время смотрел под ноги, чтобы не наступить на какую-нибудь гадость. Явный психоз, поскольку на работе он то и дело подставлял свой зад под огонь сварочных аппаратов, под грязь, солидол и металлические стружки. Тротуар был покрыт пленками, обертками от жвачек, использованными презервативами и лужицами собачей мочи, поэтому с лица Чарли не сходила гримаса мрачного протестантского осуждения.

– Не забудь помыть руки после того, как мы выберемся отсюда, – пошутила я.

– А я не подхватчу сифилис, если случайно прикоснусь к фонарному столбу или почтовому ящику? – спросил меня Чарли.

– Ты можешь, судя по количеству извилин твоего мозга.

Поднявшись наверх и пройдя по темному сырому коридору, мы постучали в дверь Джека. Я была здесь второй раз, но без труда сориентировалась по огромному пятну на потолке, возникшему, скорее всего, из-за вечно протекавшего туалета.

– Неужели он так любит сладости? – спросил меня Чарли. – Или парень выразил протест по поводу продажи муравьев в супермаркетах?

– Ты же знаешь, он всегда любил животных, – ответила я.

Из-за двери послышалось поскрипывание. Похоже, Джек валялся в постели. И это в час тридцать дня! В комнате снова воцарилась тишина. Он явно не собирался открывать нам дверь.

Пригнувшись к скважине, я сказала:

– Это Фэй.

Через полминуты раздался щелчок замка. Мы вошли в его комнату.

Здесь был идеальный порядок, как, впрочем, и должно было быть там, где жил Джек. Все блистало чистотой.

Каждый предмет находился там, где ему, по мнению брата, следует быть. Ряды косметических и парфюмерных пробников на столе; на окне уже открытые и выдохшиеся флаконы.

Он собирал любые мелочи. Особенно фольгу и бечевки. Матрац был перевернут для проветривания. Сев на скомканное одеяло и простыни, Джек сложил руки на коленях и выжидающе посмотрел на нас.

Из-за нехватки денег он снова носил одежду, в которой ходил еще в юности. Эти коричневые вельветовые брюки мать купила ему в начале сороковых. Голубая хлопчатобумажная рубашка казалась почти белой от многочисленных стирок. Воротник протерся до ниток; пуговицы растерялись, и он заменил их скрепками.

– Ах ты, бедный дурачок, – сказала я.

Пройдя по комнате, Чарли спросил:

– Зачем ты собираешь этот хлам?

Он указал на грудку маленьких обточенных водой камней, разложенных на туалетном столике.

– Это образцы породы, – ответил Джек. – В них может содержаться радиоактивная руда.

Его слова означали, что после работы он по-прежнему совершал дальние прогулки за город. Я знала, что в его шкафу под кучей свитеров, упавших с вешалок, лежала картонная коробка, аккуратно перевязанная шнуром и подписанная корявыми инициалами Джека. В ней хранились изношенные армейские ботинки. Примерно каждый месяц мой брат, как какой-то бойскаут, надевал эти старомодные ботинки с высоким верхом и крючками на кантах, надевал и уходил куда-то за город.

Для меня это было серьезнее, чем кража. Я убрала стопку журналов с кресла и присела, решив поговорить с ним начистоту. Чарли, естественно, остался стоять, всем видом демонстрируя, что он хочет уйти. Он нервничал в присутствии Джека. Они почти не знали друг друга, и поскольку мой брат не обращал на него внимания, Чарли казалось, что Джек в любую минуту может учинить какую-нибудь пакость. После первой встречи с ним мой муж беспардонно заявил (ведь Чарли никогда не промолчит), что Джек самый чокнутый парень из всех шизанутых людей, которых он видел в своей жизни. Когда я спросила его, почему он так думает, Чарли ответил, что мой брат не должен *так* поступать. А раз он так поступает, то, значит, ему нравится выглядеть придурком. Это суждение показалось мне абсолютно бессмысленным, но у Чарли всегда свое мнение.

Длительные прогулки Джека за город начались еще в школе в тридцатые годы перед Второй мировой войной. Мы жили на улице Гарибальди. Во время гражданской войны в Испании люди стали испытывать неприязнь к итальянцам, и название нашей улицы изменили. Она превратилась в Сервантес-авеню. Джек решил, что все улицы будут переименовываться, и около месяца буквально бредил, подбирая новые названия, естественно, в честь древних писателей и поэтов. Когда до него дошло, что никаких изменений не будет, он ужасно расстроился. Это каким-то образом окунуло его в реальный мир, и мы даже начали надеяться на улучшение. Но он не воспринимал войну как реальное событие и не представлял себе жизнь, в которой существовали бомбежки и расстрелы. Он никогда не отличал прочитанное в книгах от фактических переживаний. Его критерием оценки была яркость впечатлений. И поэтому омерзительные истории в воскресных приложениях о затерянных континентах и богинях джунглей казались ему более правдивыми, чем хроника повседневных газет.

– Ты все еще работаешь? – спросил Чарли.

– Конечно, он работает, – ответила я.

– Нет, – вдруг сказал мой брат. – Мне пришлось на время отказаться от моих обязанностей в мастерской.

– Почему?

– Я занят, – ответил Джек.

– Чем?

Он указал на кучу раскрытых блокнотов с исписанными страницами. Одно время Джек проводил все выходные дни, строча письма в различные газеты. Он писал их сотнями. Похоже, брат снова увлекся очередным причудливым проектом и решил ознакомить редакции с плодами своих размышлений – с какой-нибудь схемой по орошению пустыни Сахары.

Взяв наугад один из блокнотов, Чарли небрежно пролистал его, бросил на стол и с усмешкой сказал:

– Это дневник.

– Нет, – поднимаясь с кровати, ответил Джек. На его скуластом лице появилось надменное выражение – нелепая пародия на высокомерие профессионала, который с презрением смотрит на двух дилетантов.

– Это научный отчет о проверенных фактах, – холодным тоном констатировал он.

– На что ты живешь? – спросила я.

На самом деле мне не нужно было объяснять, на что он жил. Джек снова зависел от денежных переводов из дома от наших родителей, которые на закате жизни с трудом поддерживали свое существование и едва сводили концы с концами.

– Ты зря волнуешься, – ответил Джек. – Я ни в чем не нуждаюсь.

Он только так говорил. На самом деле, получив перевод от родителей, брат тратил деньги на броскую одежду, терял банкноты, отдавал их взаймы или инвестировал в какие-то безумные проекты, описанные в дешевых журналах: в выращивание гигантских мухоморов или создание бесплатной мази от кожных болезней. По крайней мере, его работа в полубандитской мастерской позволяла ему содержать себя и оплачивать аренду комнаты.

– Сколько у тебя осталось денег? – требовательно спросила я.

– Сейчас посмотрю.

Джек выдвинул ящик стола и достал коробку из-под сигар. Он снова сел на смятые простыни, положил коробку на колено и осторожно открыл ее. Его «копилка» оказалось почти пустой. В ней лежали только несколько пенни и три никелевые монеты.

– Может, тебе стоит подыскать другую работу? – спросила я.

– Наверное, да, – ответил он.

В прошлом Джек не раз устраивался чернорабочим в магазине бытовой техники – он помогал доставлять посудомоечные машины; в гастрономе трудился на разгрузке и фасовке овощей; в аптеке мыл полы и туалет; а однажды был даже каптером на военно-воздушной базе в Аламеде и выдавал механикам ветошь. Летом он время от времени нанимался на уборку фруктов и вместе с другими сборщиками колесил по стране на открытом грузовике. Это была его любимая работа, потому что он мог объедаться фруктами до хронической диареи. Осенью Джек неизменно нанимался на консервный завод Хайнца близ Сан-Хосе. Там он заполнял жестянки маринованными грушами.

– Знаешь, кто ты? – спросила я. – Ты самый чокнутый придурок на всем земном шаре. Я ни разу в жизни не встречала человека с такой кучей дерьма в голове. Как ты вообще жив до сих пор? И какого черта ты родился в моей семье? Ты всегда был чужим для нас! Всегда!

– Полегче, Фэй, – сказал Чарли.

– Это правда, – возразила я. – Бог мой! Наверное, он думает, что мы живем на дне океана и сейчас находимся во дворце древних атлантов.

Я повернулась к Джеку и спросила:

– Какой сейчас год? Зачем ты украл этих «муравьев в шоколаде»? Скажи мне, зачем?

Схватив брата за плечи, я начала трясти его, как делала в юности, точнее, в детстве, когда впервые услышала болтовню о той чепухе, которой забита голова Джека. В тот миг, в приступе гнева и страха, я поняла, что извилины его мозга искривлены в другую сторону: при столкновении фактов и вымысла он всегда выбирает второе, а разуму предпочитает глупость. Джек видел разницу между ними, но верил только в чушь. Он заглатывал ее и подвергал системати-

зации, подобно какому-то книжному червю, который в Средние века заучивал абсурдное строение Вселенной от святого Томаса Аквинского. Естественно, эта хлипкая и ложная система в конце концов разрушалась, но ее малая часть сохранилась в покоем на топь интеллекте в мозгу моего брата.

– Мне хотелось провести эксперимент, – ответил Джек.

– Какой эксперимент? – спросила я.

– Науке известны случаи, когда жабы, пролежавшие в иле веками, выходили из спячки живыми...

Я мгновенно поняла, как его ум воспринял этот факт – что «муравьи в шоколаде» являются забальзамированными насекомыми и что их можно вернуть обратно к жизни.

Повернувшись к Чарли, я тихо сказала:

– Пошли отсюда.

Когда мы вышли из комнаты в коридор, меня буквально трясло. Я больше не могла общаться с братом. Чарли тяжело вздохнул и мрачно произнес:

– Он не в силах заботиться о себе.

– Да уж конечно!

Мне отчаянно хотелось найти место, где я могла бы выпить. Казалось, еще немного, и я сойду с ума. Какого черта мы уехали из Марин-Каунти? Я месяцами не видела Джека и с радостью не встречалась бы с ним еще много лет.

– Послушай, Фэй, – сказал Чарли. – Он твой брат. Твоя плоть и кровь. Ты не должна бросать его.

– У меня нет перед ним никаких обязательств!

– Его нужно увезти в сельскую местность. На свежий воздух. Туда, где он мог бы находиться рядом с животными.

Чарли уже несколько раз заводил разговор на эту тему. Он хотел забрать моего брата в Петалуму и пристроить его доярком на одну из больших молочных ферм. Джеку пришлось бы открывать деревянную дверь, подходить к корове, прижимать присоски к соскам, включать насос, выключать его через некоторое время, освобождать животное от присосок и переходить к следующему стойлу. Снова и снова. Ни о какой творческой работе речи не было. Но брат бы справился. Ему платили бы полтора доллара за час. Кроме того, рабочих на ферме обеспечивали едой и спальным местом. А почему бы и нет? Он был бы рядом с животными, большими грязными коровами, гадящими, мычащими и жующими.

– Увози. Я не против.

Мы знали нескольких фермеров и без труда могли бы пристроить брата в качестве дояра.

– Пусть он едет вместе с нами, – сказал Чарли.

Перед тем как увезти Джека в Марин-Каунти, нам пришлось собрать все его барахло: коллекции «фактов», камней и вырезок из журналов; шутовскую одежду, свитера и брюки с блестками, которые он надевал по выходным дням, чтобы произвести впечатление на панков в Рено... Мы сложили эти «ценности» в картонные коробки и загрузили их в багажник «Бьюика». После того как Чарли справился с этой работой, я сидела в машине и читала, а Джек ушел на час, чтобы попрощаться со своими друзьями, в комнате остались только рекламные образцы парфюмерных и косметических товаров, которые мы наотрез отказались брать с собой.

«Как все это похоже на его комнату в дни юности», – подумала я. Во время войны, когда Джека призвали на службу, мы вошли в его берлогу и уничтожили собранный хлам. Естественно, когда через несколько месяцев брат вернулся домой (ему дали медицинское освобождение из-за аллергии и приступов астмы), он ужасно расстроился и после нескольких припадков впал в долгую депрессию. Он был привязан к тем вещам. Чуть позже, едва поправив

здоровье, Джек уехал в другой город, снял комнату и вместо каких-то разумных увлечений начал все заново.

Мы усадили Джека на заднее сиденье среди его коробок. Когда Чарли выехал на трассу, ведущую на север, я стала гадать, во что превратится наш дом после того, как в нем поселится (пусть даже на несколько дней) мой чокнутый брат. В конце концов мы выделили ему кладовку. Дети давно уже превратили ее в кладбище для сломанных игрушек. Он просто не мог испортить там что-то. И действительно, ущерб оказался небольшим! Джек разрисовал все стены цветными мелками, измазал глиной занавески и диванные подушки, разлил краску на бетонном полу патио, спрятал в шейкере носки и забыл о них на месяц, дважды высморкался в суп, упал, когда нес в гараж большую вазу, и, открывая банку с сардинами, едва не выковырял себе полглаза. Он напоминал мне детеныша какого-то грязного животного, лишённого инстинктов и разума, небольшую зверушку, которая гадила под себя при первой же возможности. Я не прощала этого даже детям, хотя понимала, что в юном возрасте они все поступают подобным образом.

Мы с Чарли занимали переднюю часть дома, а дети заднюю. Дюйм за дюймом они превращали свою половину в подобие свалки. Время от времени мы с миссис Мендини врывались туда, наводили тотальный порядок, сжигали все лишнее в печи для мусора, и процесс захламления начинался заново. Появление Джека ничего не изменило. Он просто увеличил степень хаоса, добавив свое дерьмо к тому, что уже существовало.

Конечно, мой брат физически был взрослым мужчиной, и меня беспокоило, как он будет вести себя с девочками. Сама я годами боялась его и никогда не знала, что он скажет или сделает через минуту. Его безумные идеи могли вылиться во что угодно. Возможно, он воспринимал фонарные столбы как представителей законной власти, а полицейских как емкости для виски и вина. В детстве он верил, что головы людей могли отваливаться от тел. Джек сам рассказывал нам об этом. И я знала, что он считал своего учителя геометрии большим петухом, одетым в костюм. Эту идею он подцепил, посмотрев старый фильм с Чарли Чаплином. Конечно, тот учитель действительно напоминал петуха, особенно когда он прохаживался перед доской на уроках.

Но, допустим, Джек поддался бы безумию и съел соседскую овцу. В сельской местности убийство чужих животных считалось серьезным преступлением. Во всяком случае, хищников или собак, нападавших на овец, всегда расстреливали без промедления. И даже если ломать шеи соседским ягнятам начинал фермерский парень, его убивали... Хотя никто не мог понять, почему это случалось так часто – наверное, какой-то сельский аналог случаев, когда городской подросток бьет витрины или прокалывает шины ножом. Вандализм в наших краях, как правило, карался смертью, потому что фермеры измеряли свою собственность не деньгами, а выводком гусей и кур, стадами коз, коров и овец. Справа от нас жили Ленднерсы, старая пара, разводившая коз. Они часто резали своих животных и питались их мясом, готовя то козье жаркое, то суп. Однако другие фермеры заботились о породистых овцах и коровах лучше, чем о собственных жизнях. Они травили крыс, стреляли лис, енотов и чужих собак, посягавших на их территорию. Я даже видела во сне кошмар, в котором Джека пристрелили темной ночью, когда он проползал под колючей проволоочной изгородью, сжимая в зубах баранью ляжку.

Одним словом, вернувшись в Дрейкз-Лендинг, я мучилась тревожными фантазиями по поводу Джека, хотя следует признать, что мой брат вел себя вполне уравновешенно. В любом случае убийства животных были обычным аспектом сельской жизни. Мне не раз доводилось сидеть в гостиной, слушать пластинки с музыкой Баха и наблюдать через стеклянную стену, как на ранчо с другой стороны поля старый фермер, в ботинках, шляпе и в испачканных навозом джинсах, убивал топором бродячую собаку, которая нюхала угол его курятника. В такой ситуации вам остается лишь слушать Баха и пытаться читать «Одержимых любовью». Да мы и сами резали гусей, когда наступало время пускать их на мясо, а наша колли ежедневно убивала

сусликов и белок. По крайней мере раз в неделю мы находили у передней двери обглоданную голову оленя, принесенную собакой из мусорной кучи какого-то соседа.

Конечно, не просто было терпеть такую ослиную задницу, как Джек. Он постоянно крутился под ногами. Чарли почти не замечал его: мой муж проводил все дни на заводе, по вечерам работал в студии над чертежами, а по выходным трудился во дворе, возясь с бензопилой или мини-трактором. Наблюдая за братом, слонявшимся вокруг дома, я начала осознавать, насколько мы, сельские жители, замкнуты в тесном пространстве. Вам некуда уехать и некого навестить: вы просто весь день сидите дома, читаете, суетитесь по хозяйству или заботитесь о детях. Когда и куда я выезжала из дома? По вторникам и четвергам у меня курсы по лепке в Сан-Рафаэле. Вечерами по средам я веду в «Синичке» занятия, где учу старшеклассниц печь хлеб и вязать плетеные циновки. Каждый понедельник утром езжу в Сан-Франциско к доктору Эндрюсу, моему психоаналитику. По пятницам у меня запланированы поездки в Петалуму – там в «Пьюрити-маркет» я покупаю продукты.

Каждый вторник по вечерам курсы современных танцев. Вот и все, если не считать поездок на пляж по выходным дням и редких ужинов с Файнбергами и другими соседями. Самым захватывающим событием за все эти годы был случай, когда на дороге в Петалуму автомобиль Элис Хатфилд врезался в тюк сена, упавший с грузовика. В аварии пострадали трое ее детей. И еще где-то через пару лет лесорубы в Олеме избili четверых подростков. Вот, пожалуй, и все. Это вам не город, а провинциальная глушь. Там, где мы жили, людям жутко везло, если им удавалось купить ежедневные «Новости Сан-Франциско». Здесь газеты не доставляются на дом. Вам нужно ехать в «Мэйфер-маркет» и покупать их с прилавка.

Но я лучше вернусь к рассказу о Джеке. Когда мы проезжали через Сан-Франциско, он оживился и начал высказываться о зданиях и транспорте. Большой город оказал на него нездоровое воздействие. Заметив ряд крохотных магазинов вдоль Мишен, он попросил остановиться, но Чарли сделал вид, что не расслышал, и мы выехали из района Южного рынка в кварталы Ван-Несс. Мой муж глазел на витрины автосалонов с выставленными импортными жестянками. Джек скучал и ковырял в носу. Когда мы выбрались на мост «Золотые Ворота», никто из них даже слова не сказал о прекрасном виде на город, залив и Марин Хиллс. Эти парни не понимали эстетики. Чарли оценивал все с финансовой точки зрения, а Джек... Бог его знает, с какой... Он признавал лишь что-то необычное, как дождь из лягушек и тому подобные чудеса. А этот потрясающий вид был для них пустой тратой времени. Но я любовалась им до самого конца, пока мы не выехали за холмы и не помчались мимо унылых поселков; Мил-Вэли и Сан-Рафаэль, на мой взгляд, ужасные места, дыра дырой, с грязью и смогом, где трактора и бульдозеры постоянно ровняют дороги для новых автострад.

Плотный транспортный поток заставил нас притормозить. На черепашьей скорости мы протащились через Росс и Сан-Ансельмо. Замелькали дома и магазины Фэрфакса, затем потянулись первые пастбища и каньоны. Вместо заправочных станций на обочинах появились коровы.

– Как тебе сельская местность? – спросил Чарли у Джека.

– Пустынно, – ответил мой брат.

– Это рай для тех, кому нравится жить в навозе с коровами, – с внезапной злостью проворчала я.

– У коров четыре желудка, – отозвался Джек.

Уайтс-Хилл впечатлил его своими крутыми и извилистыми подъемами, а затем на другой стороне, прямо под нами, раскинулась долина Сан-Джеронимо, и, наверное, каждый из нас почувствовал восторг от этой красоты. Трасса была прямой как стрела; Чарли гнал «Бьюик» под восемьдесят пять, и теплый полуденный ветер освежал наши лица и выдувал из машины городской запах заплесневевшей бумаги и старого белья. Поля вдоль дороги стали рыже-

вато-коричневыми от засухи, но в дубовых рощах между гранитными валунами видны были полевые цветы и зеленая трава.

Мне хотелось бы жить здесь, но земля вблизи от Сан-Франциско стоила огромных денег, а в летнее время рев машин становился просто невыносимым: дачники направлялись в Лагунитас, в коттеджи и пансионаты; дома на колесах тянулись вереницей на всем пути до Тейпор-парка. Мы тоже проехали через Лагунитас мимо знаменитого большого универсама. Затем дорога резко свернула, Чарли, как всегда, зазевался, и ему пришлось давить на тормоза. Нос «Бьюика» едва не пропахал бетон. Чуть позже мы въехали в рощу мамонтовых деревьев, где теплый солнечный воздух сменила влажная мгла. Пахло хвоей и папоротником, который рос здесь в темных местах.

Когда мы проезжали мимо большой поляны, Джек привстал, и выгнув шею, указал мне на несколько столов, расставленных вокруг жаровен для барбекю.

– Эй! – крикнул он. – А это не здесь мы однажды устраивали пикник?

– Нет, – ответила я. – То было в Мьюр-Вудс, когда тебе исполнилось девять лет.

Через полчаса мы достигли холмов, возвышавшихся над Олемой и Томалес-Бей. Похоже, Джек начал понимать, что мы перевезли его из города в сельскую местность. Он с удивлением смотрел на покосившиеся ветряные мельницы и покинутые особняки с заколоченными окнами, на кур в пыли у дороги перед деревянными домами и на такие неотъемлемые признаки современных ферм, как бутановые цистерны, стоявшие на задних дворах. Перед Инвернес-Вай справа от дороги был вкопан столб с предложением услуг фирмы, занимающейся бурением артезианских колодцев.

Когда мы пересекали Пэйпер-Милл-Крик, где под мостом сидели рыбаки на лодках, Джек заметил белую цаплю, стоявшую на болотистом берегу. Он заявил, что впервые видит такую крупную птицу.

– Ну что ты врешь, – сказала я. – Ты сам показывал мне голубую цаплю. А однажды в заливе около Эстеро мы с тобой насчитали восемнадцать диких лебедей.

Проехав Дрейкз-Лендинг, Чарли свернул на узкую Со-Милл-Роуд и направился к нашему дому.

– Как тут тихо! – сказал Джек.

– Да, – согласился мой муж. – По вечерам ты будешь слышать только грустное мычание коров.

– Оно похоже на плач динозавров, застрявших в болоте, – добавила я.

У последнего поворота дороги я показала Джеку сокола, который сидел на телефонных проводах. Эта птица годами торчала на одном и том же месте, изредка взлетая и охотясь на лягушек и кузнечиков. Иногда она выглядела гладкой и лоснящейся, иногда линялой и потрепанной. А у наших соседей Холлианов зимородок, живший в кипарисовой роще, переловил в пруду всех золотых рыбок. И еще совсем недавно на холмах Томалес-Бей встречали лосей и медведей. Прошлой зимой Чарли увидел в свете фар огромную черную ногу на краю дороги. Какой-то крупный зверь удрал в подлесок, и это явно был медведь или, возможно, человек, надевший ради шутки медвежью шкуру.

Я не стала пересказывать Джеку историю с черной ногой. Зачем снабжать его местными мифами, если он тут же переделает их в свои «научные факты»? И тогда вместо медведя или лося, забравшегося ночью в огород, чтобы полакомиться ревенем, появятся марсиане, чьи летающие тарелки приземлились в Инвернес-парке. Кстати, там уже существовала группа уфологов. Если они узнают о Джеке, то быстро втянут его в свою компанию, заставят дважды в неделю посещать их собрания и вовлекут в исследования гипноза, реинкарнации, дзен-буддизма, экстрасенсорного восприятия и, конечно же, НЛО.

(пять)

Парень и девушка (оба в джинсах и оранжевых свитерах с высоким воротом) прислонили велосипеды к стене аптеки и сблизили головы. Девушка поплевала на палец и вытщила соринку из глаза юноши. Они о чем-то заговорили. Ее лицо, обращенное в профиль, с высоким лбом и локонами каштановых волос, походило на чеканку со старых монет, кажется, двадцатых годов или даже прошлого века. Архаический контур, аллегорический облик: мягкий, созерцательный и нежный. Волосы мужчины были коротко подстрижены. Черная шапочка. Такое же стройное тело, как и у девушки. Хотя он выглядел немного выше.

Фэй сидела рядом с Чарли на переднем сиденье «Бьюика» и смотрела через ветровое стекло на влюбленных велосипедистов.

– Я должна познакомиться с ними, – сказала она. – Сейчас я выйду и приглашу их к нам в гости на бокал мартини.

Она стала открывать дверь машины.

– Как они красивы, правда? Словно герои Ницше.

На ее лице появился охотничий азарт. Она не могла позволить им уйти. Чарли видел, как она смотрела на эту пару. Словно хищная птица, Фэй следила за каждым их движением. Она ни на секунду не теряла их из виду.

– Останься здесь, – сказала она, выходя из машины.

Когда Фэй закрывала дверь, ее сумочка на длинном кожаном ремне качнулась, ударилась о стекло, и на гравий стоянки из нее выпали солнечные очки, приобретенные за большие деньги по особому рецепту. Она торопливо подняла их, несколько не интересуясь, остались ли они целы. Ей так не терпелось познакомиться с парнем и девушкой, что она побежала к ним, как дворовая шавка. При ее стройных ногах это выглядело вполне грациозно. Фэй бежала с чувством собственного достоинства, учитывая то впечатление, которое она могла произвести на возможных свидетелей ее импульсивного поступка.

Чарли высунулся из окна машины и крикнул:

– Подожди.

Она остановилась и повернулась к нему.

– Вернись, – сказал он напряженным, но спокойным тоном, как будто Фэй шла в магазин и ему хотелось напомнить ей о каких-то продуктах.

Она покачала головой.

– Иди сюда, – рявкнул Чарли, выходя из машины.

Фэй не сдвинулась с места. Скривив губы в злой усмешке, она ждала, когда муж подойдет к ней поближе.

– Черт бы тебя побрал, тупой придурок, – сказала она. – Они сейчас сядут на велосипеды и уедут.

– Пусть уезжают, – ответил Чарли. – Это незнакомые люди.

Ее внезапный интерес к ним и странная одержимость пробудили в нем смутные подозрения.

– Какое тебе до них дело? Они еще дети. От силы восемнадцать-двадцать лет. Наверное, решили искупаться в бухте.

– Мне кажется, брат и сестра, – сказала Фэй. – А если это семейная пара, то они, наверное, проводят медовый месяц. Я не видела их раньше. Скорее всего, гостят у кого-то из местных. Интересно, у кого? Ты не видел, откуда они приехали? С какого конца города?

Она с тоской смотрела на парня и девушку, которые, сев на велосипеды, направлялись к трассе номер один.

– Возможно, они совершают велотурне по всем Соединенным Штатам, – продолжала она, прикрыв глаза ладонью, чтобы солнце не мешало видеть.

Когда молодая пара исчезла за поворотом дороги, Фэй вернулась вместе с ним к машине. По пути домой она только о них и говорила.

– Я могу зайти на почту и спросить у Пита. Он знает всех в нашей округе. И еще нужно позвонить Флоренс Родес.

– Черт бы тебя побрал, – огрызнулся Чарли. – Зачем ты хочешь с ними встретиться? Пофлиртовать? С кем именно? С обоими?

– Они такие милые, – не унималась Фэй. – Похожи на ангелов, упавших с небес. Если я не познакомлюсь с ними, то умру.

Она говорила спокойно и серьезно, без всякой сентиментальности.

– При следующей встрече я подойду к ним и скажу начистоту, что не смогла удержаться от знакомства с такими красивыми и очаровательными людьми. А затем я расспрошу их как следует, кто они такие и зачем, черт возьми, приехали сюда.

Чарли погрузился в мрачную меланхолию.

– Ты просто спятила от одиночества. Живешь в глуши, где не с кем завести знакомство.

– Вот поэтому я и хочу подружиться с ними, – ответила Фэй. – Разве ты на моем месте поступил бы иначе? Ты же знаешь, как мне нравится принимать гостей. Без них любой ужин превращается в обычную кормежку детей, мытье посуды, выколачивание ковриков и вынос мусора.

– Короче, ты жаждешь общения.

Его слова вызвали у жены саркастический смех.

– Мне безумно хочется общаться. Я схожу с ума от серых будней. Думаешь, почему я провожу все дни на огороде? Почему хожу по дому в синих джинсах?

– Ох, уж мне эти матроны Марин-Каунти, – полушутя, полусердито ответил Чарли. – Маются от безделья, а когда соберутся вместе, то под кофе перебивают косточки друг другу.

– Неужели ты действительно считаешь меня такой провинциалкой?

– Нет-нет, – ответил он. – Ты была королевой колледжа. Ты руководила университетским женским клубом, затем вышла замуж за состоятельного бизнесмена, переехала в Марин-Каунти и записалась на курсы современного танца.

Кивнув, Чарли указал на белое трехэтажное здание, в котором проводились занятия танцевальной группы.

– Культурные мероприятия для фермеров и молочниц, – добавил он.

– Чтоб ты сдох! – сказала Фэй.

Всю остальную часть поездки они молчали и смотрели на дорогу, принципиально игнорируя друг друга. Когда Чарли припарковал машину на подъездной аллее перед домом, Фэй вышла и раздраженно всплеснула руками.

– Кто-то из девочек опять не закрыл дверь!

Из открытого дверного проема торчал хвост колли. Фэй направилась в дом, оставив Чарли в одиночестве.

«Что так встревожило меня, – подумал он. – Ее реакция на молодую пару? Но почему? Я знаю, почему. Это явный признак, что ей чего-то не хватает. Она не получает того, что хочет. Все верно. Оба мы недовольны нынешней жизнью. Мы изнываем от тоски и жажды общения...»

Он первый заметил парня и девушку и указал на них жене. Мягкие пушистые свитера. Теплые цвета. Чистая кожа и свежесть лиц. О чем они беседовали? Девушка гладила парня по щеке, успокаивая его и стараясь развеселить... Стоя субботним днем у аптеки Томалес-Бэй, они пребывали в своем уединенном мире. И никто из них не потел под палящим солнцем...

Вряд ли они заметили нас. Для них мы были мимолетными тенями, скользившими мимо и уплывавшими в никуда.

На следующий день, покупая марки на почте, он снова встретил ту молодую пару на велосипедах. На этот раз Чарли приехал в поселок один, оставив Фэй дома. Он увидел, как юноша и девушка появились на углу улицы и свернули на обочину, чтобы решить какой-то вопрос. Ему внезапно захотелось выбежать из здания и предложить им свою помощь. Он мог бы задать этой паре несколько вопросов: «Заблудились? Пытаетесь найти кого-то?» К сожалению, здесь нет номеров на домах. Что поделаешь! Слишком маленький поселок.

Однако он не поддался порыву и не вышел на улицу. Парень и девушка сели на велосипеды и скрылись из виду. Чарли вдруг почувствовал ужасную пустоту под сердцем. «Как плохо, – подумал он. – Я упустил еще одну возможность. Если бы Фэй была здесь, то она бы пробкой вылетела за дверь. Именно этим мы и отличаемся друг от друга. Я думаю, а она делает. Пока я пытаюсь найти решение проблемы, она уже действует. Без всяких размышлений и проволочек. Вот почему я восхищаюсь ею. Вот где она превосходит меня. И в тот момент, когда мы с ней встретились... Я просто стоял бы там и смотрел на нее, желая познакомиться. А она заговорила со мной и спросила что-то о машине. Без смущения и колебаний».

До него вдруг дошло, что, если бы в 1951 году Фэй не заговорила с ним в бакалейном магазине, они бы никогда не познакомились. И тогда не было бы свадьбы, не было бы Бонни и Элси, не было бы дома. Он не переехал бы в Марин-Каунти. Ну и дела! Это она устроила нашу жизнь, понял Чарли. Она контролирует мою судьбу, пока я зарабатываю деньги и позволяю ей помыкать собой. О господи! Она использует меня! Надела ошейник и ведет на коротком поводке. Сначала завладела мной, затем заставила построить дом! Все мои деньги ушли на поддержание этого чертова особняка со всеми его дурацкими наворотами. Он истощил мой капитал и мои физические силы! Он пожирает меня и плоды моих трудов. А кто получает выгоду? Кто угодно, но только не я. Взять, к примеру, тот случай, когда она избавилась от моего кота.

Как-то раз он нашел на заводском складе кота. Отнес его в офис и начал подкармливать остатками ланча и консервами, которые специально покупал в универсаме. Это был большой и пушистый серо-белый кот. Через год он так привязался к Чарли, что везде ходил за ним по пятам на потеху рабочих завода. Он ни к кому не ластился и признавал только своего хозяина. Однажды Фэй зашла в офис Чарли и увидела кота. Она заметила их дружбу и взаимную симпатию.

– Почему ты не привезешь его домой? – спросила она, внимательно разглядывая животное, которое вальяжно разлеглось на столе.

– Пусть остается здесь, – ответил Чарли. – За компанию. Чтобы мне не было скучно вести документацию по вечерам.

– А как его зовут?

Она попыталась погладить кота, но тот настороженно отпрыгнул от нее.

– Я назвал его Толстым.

– Почему?

– Потому что он жрет все, что ему дают.

Чарли вдруг почувствовал раздражение, словно его поймали за неприличным делом, недостойным взрослого мужчины.

– Девочки будут в восторге, – сказала Фэй. – Ты же знаешь, как они хотели кота. Бинг для них слишком большой, а та морская свинка, которую им подарили в музее, только и делает, что постоянно гадит и где-то прячется.

– Нет-нет. Он испугается собаки и убежит из дома.

– А я сказала, привези! – потребовала Фэй. – Мы какое-то время подержим его запертым внутри. Я буду давать ему вкусную еду. Он скоро привыкнет. Ты приходишь сюда вечерами раз в неделю. Сам подумай, как ему скучно. А там у него будет теплый дом, кошачьи деликатесы и объедки от мясных блюд...

Она снова вытянула руку и почти насильно погладила кота.

– Мне он тоже очень нравится.

В конце концов она уговорила его. Хотя уже тогда, наблюдая за тем, как Фэй гладила животное, он понимал, что на самом деле она не хотела держать кота в доме. Она просто ревновала, потому что у Чарли появилось любимое существо, обитавшее вдали от нее. Он держал кота на заводе отдельно от их совместной жизни, и для Фэй это было невыносимо. Она пыталась втянуть кота в свой мир. Она должна была сделать его своей «вещью», зависимой от нее и подвластной ей. Мысленно он увидел мимолетную картинку, в которой Фэй отнимала кота, забирала его себе, баловала и кормила, укладывала спать на колени. И не потому, что она любила его, нет! Для нее было важно считать это животное «своим», принадлежащим только ей.

Вечером он сунул кота в коробку и привез его домой. Девочки действительно обрадовались. Они поили Толстого молоком и кормили его норвежскими сардинами из банки. Кот проспал ночь на кушетке и явно остался доволен. Колли держали запертой в ванной комнате, чтобы животные не входили и не контактировали друг с другом. Все следующее утро Фэй заботилась о коте так, словно души в нем не чаяла. Но когда вечером Чарли вернулся с работы, он увидел открытую переднюю дверь, и мрачное предчувствие подсказало ему, что случилось. Он нашел жену на патио, где она сидела в кресле и что-то вязала.

Чарли спросил, почему дверь оставили открытой.

– Ты же знаешь, что кот живет у нас только два дня.

– Ему захотелось выйти, – ответила Фэй.

Ее взгляд терялся под большими солнечными очками.

– Он начал кричать, и девочки решили выпустить его. Да что ты волнуешься? Он просто гуляет где-то. Наверное, охотится за белками под кипарисами.

Чарли несколько часов бродил вокруг с фонариком и звал кота, надеясь увидеть его хотя бы издали. Но все было напрасно. Толстый ушел. Фэй вообще не тревожилась. Она спокойно подала ужин. Девочки, похоже, уже забыли о зверьке. Их головы были заняты другим: какой-то мальчик пригласил их в воскресенье на свой день рождения. Чарли сердито проглотил предложенную пищу и вновь собрался на поиски. Его душило отчаяние.

– Не суетись, – сказала Фэй, доедая десерт. – Он взрослый кот, и с ним ничего не случится. Вернется утром как миленький. Или убежит обратно на завод.

– До Петалумы двадцать пять миль! – в бешенстве крикнул Чарли. – Как он найдет туда дорогу?

– Для умных котов и тысяча миль не помеха.

Толстый не вернулся. Они больше не видели его. Чарли дал объявление в «Бейвуд-пресс», но никто не отозвался. Он целую неделю объезжал вечерами окрестности и звал кота. Естественно, безрезультатно. Все это время он интуитивно знал, что Фэй сделала это нарочно – забрала кота домой и заставила его уйти. Избавилась от него из-за ревности.

Однажды вечером он сказал ей:

– Ты не выглядишь особенно расстроенной.

– Чем? – взглянув на него поверх глины, спросила она.

Фэй сидела за большим обеденным столом и лепила садовую чашу. Она выглядела весьма соблазнительно в своем синем коротком халатике, шортах и сандалиях. На краю стола дымилась ее сигарета, постепенно превращавшаяся в пепел.

– Исчезновением кота, – ответил он.

– Девочки очень расстроились, но я сказала им, что коты приспособлены к дикой жизни больше, чем другие домашние животные, которые теряются или убегают от своих хозяев. Вокруг на полях много сусликов и кроликов...

Смахнув волосы с бровей, она беспечно добавила:

– Возможно, твоему коту понравилось странствовать и он сейчас резвится где-то в зарослях. Говорят, что многие из них находят какой-то запах и идут по следу, пока не заблудятся.

– Ты почему-то не упоминала об этом, когда просила привезти его сюда, – с упреком сказал Чарли.

Она даже не потрудилась ответить. Ее сильные красивые пальцы лепили глиняную вазу. Чарли смотрел на нее и удивлялся тому, сколько силы она вкладывала в лепку. Ее сухожилия натягивались и проступали под кожей. Мышцы рук напрягались и принимали рельефную форму.

– В любом случае ты был излишне привязан к нему, – взглянув на притихшего мужа, сказала она. – Такое эмоциональное отношение к животному свидетельствует об отклонениях психики.

– Значит, ты нарочно избавилась от него? – повысив голос, спросил Чарли.

– Нет! Что ты! Я просто комментирую ситуацию. Возможно, даже лучше, что он убежал. Ты вел себя с ним как одержимый, и это больше не могло так продолжаться. Бог мой! Он был обычным котом! Понимаешь? У тебя есть жена и двое детей, а ты возился с каким-то животным.

Острое презрение, прозвучавшее в голосе Фэй, заставило его задрожать. Это был ее самый эффективный тон – сарказм и авторитарность. Он напоминал ему школьных учительниц, мать и всю свору назидательных баб, портивших его жизнь. Не в силах больше сдерживать гнев, он вышел из комнаты и поехал в поселок, чтобы купить вечернюю газету.

Вспомнив о Толстом, Чарли вновь ощутил невыносимое чувство одиночества. Он купил марки, вернулся к машине и вдруг с удивлением осознал, что его нерешительность в отношении парня с девушкой каким-то образом переплелась с потерей кота. Разрыв отношений между живыми существами... Пропать между ним и Фэй. «Почему все так происходит», – спросил он себя, садясь в машину. И со злостью ответил:

– Пошла она к черту!

Чарли автоматически нажал на газ и, едва не врезавшись в столбик ограждения, выехал со стоянки на улицу. Проезжая мимо универсама, он увидел у грузового пандуса два оставленных велосипеда. Это были их велосипеды! Молодая пара была в магазине. Не раздумывая, он остановился на обочине, выпрыгнул из машины и побежал через улицу. Открытая дверь вела в прохладный полумрак старого здания, с рядами стоек для овощей, с витринами винных бутылок и с полками для газет и журналов.

Он увидел их в задней части торгового зала у стеллажей с консервированными овощами. Чарли торопливо направился к ним. Он должен был подойти к этой паре во что бы то ни стало. Иначе совесть будет терзать его несколько месяцев. Фэй точно не простит... Пока он приближался к незнакомцам, те наполняли проволочную корзину пакетами, банками и батонами хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.